Восход двойного солнца

Автор:
Александр Ярославцев

Восход двойного солнца

Александр Ярославцев

Лето и осень сорок пятого #2

В борьбе с Советским Союзом за мировое лидерство правительства Британии и США готовы были рассматривать возможность новой войны. Пойдя на открытый конфликт с Советским Союзом, Черчилль и Трумэн усилили обострение событий. И вот уже изобретена ядерная бомба, которая должна пасть на головы русских. Советский Союз ответил всей своей мощью… Япония, как оказалось, тоже не дремала в стремлении наказать Америку…

А. Ярославцев

Восход двойного солнца

2 кн. цикла Лето и осень сорок пятого

* * *

Глава I. Морская сага

Офицеры флота Его Величества испокон веков привыкли служить в хороших и добротных условиях. Конечно, каюта командира лидера эсминцев не могла соперничать по размерам и комфорту с каютой адмирала или капитана линкора. Всякий сверчок хорошо знал свой шесток, однако эти факторы нисколько не умаляли достоинства самой каюты и ее хозяина коммодора Бэйли. Едва переступив комингс, каждый посетитель чувствовал строгое изящество каюты, ощущал ее аристократичный дух, витавший в воздухе.

Джордж Бэйли был из семьи потомственных моряков, чьи выходцы вот уже четвертое поколение служили в королевском флоте. Бороздя морские просторы сначала под парусами, затем пересев на паровые корветы и турбинные корабли, представители фамилии Бэйли верой и правдой служили интересам Британской империи.

Срочно переброшенный из портов родной метрополии в Нарвик, коммодор Бэйли должен был обеспечить порядок и спокойствие в местных водах. В результате начала боевых действий с Россией возникла угроза захвата Нарвика советскими войсками, чего Лондон никак не мог допустить. Шведская железная руда была очень важная для английской промышленности, особенно сейчас, когда экономика империи, подорванная непомерно высокими расходами на войну, находилась в плачевном состоянии.

Нарвик нужно было удержать любой ценой, но по злой иронии судьбы все имевшиеся в распоряжении английского командования силы были переброшены в Копенгаген для отражения русского натиска. Возвращать их обратно означало внести путаницу и дать противнику очень важное преимущество. Поэтому было решено перебросить на защиту Нарвика войска из метрополии.

Наиболее простым решением этой проблемы было высадка на север Норвегии воздушного десанта, но после голландской неудачи в ноябре сорок четвертого англичане не успели восстановить численность этого рода войск. Единственное, что смогли британцы отправить в Нарвик по воздуху, это две роты десантников из армии генерала Андерса, переброшенных в Данию из Италии. Поляки благополучно добрались до места, но для защиты Нарвика это была капля в море.

Основные силы короны отправлялись морем, и их охрана была возложена на отряд коммодора Бэйли, имевшего опыт проведения конвоев через Атлантику. Для этой цели Адмиралтейство выделило несколько крупнотоннажных кораблей.

За их сохранность коммодор отвечал головой, так как в их состав входили лучшие океанские лайнеры, когда-либо созданные на верфях Британии. Ведь это были легендарные покорители Атлантики – «Кинг Джордж» и «Куин Мэри» с «Куин Элизабет». В их честь светлые головы Адмиралтейства и назвали операцию по переброске британских войск в Норвегию – «Король и королевы».

Первой в путь отправилась «Елизавета». «Мария» еще не была готова к походу, «Король Джордж» мог принять к себе на борт ровно вдвое меньше солдат, чем его «королевы», а время не ждало.

Привычно полагаясь на скорость, которая позволяла «королевам» пересекать Атлантику без конвойного прикрытия, британские адмиралы решил отправить «Елизавету» в одиночку. Корабли коммодора Бэйли были должны лишь обеспечить лайнеру благополучный выход из порта, а на подходе к Вест-фьорду «королеву» должны были встретить корабли контр-адмирала Болдуина.

Получив строжайшее предупреждение из Адмиралтейства об обеспечении сохранности лайнера, адмирал выгнал в море все свои эсминцы, сторожевики и морские охотники. Помня трагическую судьбу «Мариты», они двадцать раз просеяли все пространство фьорда в поисках зловредных русских подлодок.

В день прибытия «Куин Элизабет» британские моряки расширили зону своих поисков до границ Полярного круга, но беда подкралась с другой стороны. Стремительно приближавшийся к берегам Норвегии лайнер был прекрасно виден не только на экранах локаторов. Наблюдатели передовых кораблей отчетливо видели в бинокли дымы лайнера. До встречи «королевы» с кораблями конвоя оставалось совсем немного времени, когда радисты доложили о приеме сигнала SOS.

Не доходя до точки рандеву пятнадцати кабельтовых, «Куин Элизабет» получила огромную пробоину в носу в результате внезапного взрыва. По счастливой случайности находившиеся в огромном количестве в трюме корабля боеприпасы не сдетонировали, что спасло многие сотни человеческих жизней.

Имея запас хода, капитан корабля решил приблизиться к одному из Лофотенских островов, стремясь посадить судно на мель, но сильное волнение на море не позволило ему совершить этот маневр. Лайнер затонул через тридцать семь минут после взрыва, успев спустить несколько шлюпок и

множество спасательных средств.

Подоспевшие на помощь корабли сумели вытащить из воды около тысячи двухсот человек из тех двух тысяч солдат, что находились на борту «Элизабет». Немедленно созданная комиссия для выяснения причин гибели лайнера опросила около сотни спасшихся людей, но не смогла прийти к однозначному выводу. Собранные показания давали двоякую картину гибели «королевы». Большинство свидетелей говорили, что скорей всего лайнер наскочил на шальную мину, но были и такие, кто уверяли, что собственными глазами видели след приближающейся торпеды.

Полностью разрешить вопрос могло только обследование корпуса судна водолазами, но на это у комиссии не было времени и возможностей. Поэтому право делать окончательный вывод о причинах гибели лайнера они предоставили светилам из Адмиралтейства, сняв с себя таким образом всю ответственность.

На Адмиралтейство в свою очередь давил Черчилль, и, оказавшись между двух огней, оно приняло соломоново решение. Считать гибель «Куин Элизабет» результатом взрыва мины, но обязать коммодора Бэйли провести проводку конвоя с максимальным вниманием и осторожностью.

Телеграмма из Лондона застала конвой «Короля Джорджа» на полпути к цели, и для принятия решения коммодор Бэйли собрал свой маленький штаб на экстренное совещание. Ведь коллегиальная ответственность всегда лучше, чем личная.

Зачитав послание Адмиралтейства, он предложил своим офицерам высказываться относительно принятия решения по безопасности проводки конвоя. Следуя старым флотским традициям, первым заговорил лейтенант Эймс, как самый младший по званию из всех присутствующих офицеров.

– Я считаю, что господа из Адмиралтейства просто дуют на воду, обжегшись на молоке. Гибель «Куин Элизабет» очень чувствительный удар для его престижа в глазах общества, но нам необходимо следовать фактам, а они в большей степени вероятности говорят, что лайнер погиб, наскочив на мину, сорванную штормом с якоря. Возможность его атаки русской подводной лодкой вызывает у меня большое сомнение. Для этого русские должны были знать точное время ее

выхода из порта, место прибытия, а это просто невозможно, учитывая всю степень секретности вокруг его отправки… – Лейтенант сделал паузу, и коммодор был вынужден с ним согласиться.

Приказ о выходе «Элизабет» в море пришел из штаба Адмиралтейства и был исполнен меньше чем за час. Даже если у русских в порту имелся хорошо осведомленный шпион, и он успел передать сведения сразу с момента начала операции, скорость лайнера сводила к нулю все его усилия. Лайнер можно было настичь только на подходе к Вест-фьорду, ведя непрерывное наблюдение за морем, что было очень сложно и опасно. После гибели «Мариты» британские корабли вели патрулирование акватории фьорда.

– А как же показания тех спасшихся с «Элизабет», кто утверждают, что своими глазами видели след торпеды? – вступил в разговор командор Броуди, который сильно недолюбливал Эймса. Год назад, покинув свою университетскую кафедру математики по мобилизации, лейтенант так и не стал своим среди морских волков.

– Их число слишком мало от общего числа свидетелей, и, следовательно, этим фактом можно свободно пренебречь, – ответил Эймс и, увидав презрительную ухмылку Броуди, поспешил расшифровать свой математический вердикт: – Испуганным гибелью корабля людям просто могло показаться.

– В ваших рассуждениях слишком много от математика и совершенно ничего от моряка, получившего боевой приказ. Две гибели кораблей в одном и том же месте, с очень важным для империи грузом, не могут быть простыми случайностями, которыми совсем нельзя пренебрегать, – передразнил Эймса Броуди. – Я считаю, что русскую подлодку нельзя списывать со счетов и во время проводки «короля» нужно быть предельно внимательными.

– Хорошо, командор. Вы опытный морской волк. Тогда скажите, как бы вы поступили на месте командира русской подлодки после потопления «Мариты»? – не унимался Эймс, которого сильно задело пренебрежение Броуди.

– Пробыл бы на море еще два-три, максимум четыре дня и с чистой совестью вернулся на базу, – не раздумывая ответил Броуди. – Но если бы поступил приказ уничтожить «Элизабет», обязательно бы продолжил вахту у фьорда и потопил корабль. Такой лайнер слишком заманчивая цель для любого подводника.

– Хорошо, а что бы вы делали после того, как потопили «Элизабет»?

– Ушел бы. Слишком большой риск оставаться в этих водах.

– Вот видите! Вы противоречите сами себе! – радостно воскликнул Эймс.

– Ничего я не противоречу! Кто сказал, что у русских в районе действует только одна подлодка. Одна ушла, другая пришла на охоту, это азбука, – огрызнулся Броуди.

– Конечно, азбука, кто с этим спорит. Но вот по данным кораблей адмирала Болдуина, патрулирующих море в районе Тромсе сразу после гибели «Мариты», проход второй подлодки русских не зафиксирован.

– Они могли просто не заметить ее!

– Точно так же, как они не заметили уход первой подлодки? Но ведь это нонсенс, так не бывает, – не сдавался Эймс.

– На войне много бывает такого, что и не снилось простым математикам, – пренебрежительно выдал Броуди. От негодования Эймс покрылся пятнами и попытался отстоять честь своего мундира, но коммодор утихомирил его властным взмахом руки.

– Вы высказали свое мнение, господа, я его услышал. Благодарю, вас. Теперь я хочу услышать мнение капитана Джиллеана. Что вы думаете по этому поводу, сэр? – обратился он к седовласому моряку, чей рукав был украшен четырьмя золотистыми полосками.

– Как бы это ни странно прозвучало, но я считаю, что лейтенант Эймс прав в своих математических расчетах.

Услышав эти слова капитана, Эймс обрадовался как ребенок, но его радость быстро угасла.

– Однако они полностью верны лишь в отношении действий британского моряка, коим является наш коммодор Броуди. Вы совершенно забываете, господа, что

вам противостоят русские, а это люди особого сорта. Мне приходилось встречаться с ними и в восемнадцатом году, и в сорок первом. И я в полной мере оценил степень твердолобого упрямства, я даже сказал бы, фанатизм этого народа. – Лицо Джиллеана исказила недовольная гримаса. Капитан до сих пор помнил свои негостеприимные проводы из Архангельска в 1919 году.

– Поэтому, даже если есть чисто теоретическая угроза для «короля» со стороны русской подлодки, ее надо воспринимать как вполне реальную угрозу. Лучше лишний раз подуть на воду, чем лишиться еще одной морской гордости нашей державы.

– Как вы считаете, Мартин, отвернет ли в сторону командир русской подлодки, когда увидит, какой мощный эскорт имеет наш «король»? – почтительно спросил Джиллеана коммодор.

– Не стоит слишком уповать на наши двенадцать вымпелов, сэр. Вспомните атаку русских на «Тирпиц» в сорок втором году. Тогда у любимой игрушки Гитлера было куда более сильное, чем наше, сопровождение. Любой здравомыслящий командир ушел бы в сторону и постарался навести на линкор авиацию. Однако русский капитан вопреки всякой логике атаковал «Тирпиц» и, насколько мне известно, нанес ему урон.

– Официального подтверждения о попадании в линкор нет! – энергично запротестовал Броуди, но Джиллеан и бровью не повел.

– Я говорю о самом факте атаки, командор! А было или не было попадание, пусть это решают историки. Повторяю, капитан Лунин атаковал линкор, идя на смертельный риск. Он несколько раз поднимал перископ, находясь в окружении немецких кораблей ради того, чтобы поразить «Тирпиц». Назовите мне, кто из наших подводников действовал аналогичным образом? – капитан властным взглядом окинул каюту Бэйли, но никто из моряков не проронил ни слова.

– Поэтому я не советую вам успокаиваться относительно числа кораблей конвоя. Русские по своей сущности очень опасны, а русские моряки, получившие приказ к действию, опасны вдвойне.

– Исходя из ваших слов, капитан, думаю, будет совсем не лишним запросить у адмирала Болдуина помощь. До Вест-фьорда мы добежим сами, а вот на подходе

пусть нас встретит патрульная авиация. Думаю, их глаза не будут лишними к сотне глаз наших наблюдателей, – подвел итог разговора Бэйли, и все с ним согласились. Адмиралтейство никогда не простило бы гибель второго лайнера за столь короткое время.

Оценивая угрозу для своего конвоя, англичане были одновременно правы и неправы. Правы они были в том, что подлодка капитана Лапина продолжала бороздить воды Норвежского моря, но ошибались, записывая «Куин Элизабет» в ее боевые успехи. К гибели лайнера советская подлодка не имела никакого отношения.

Проведя удачное торпедирование «Мариты», Лапин не стал кружить возле Вест-фьорда, а направился на юг к Тронхейму, надеясь перехватить идущие из этого порта транспорты с войсками. Ход был вполне разумным, но срочная телеграмма из штаба флота перечеркнула эти намерения капитана. Командование приказывало Лапину возвращаться в район Нарвика, для перехвата британских конвоев.

Столь хорошая осведомленность о действиях недавнего союзника объяснялось очень просто. Советские разведчики смогли достать коды британского Адмиралтейства, и теперь Москва читала все действия противника как открытую книгу.

Обладание подобной форой серьезно облегчало действия советских моряков. Однако знать было мало, нужно еще было потопить, а вот с этим были большие проблемы. Эсминцы адмирала Болдуина плотно прикрыли подходы к Нарвику со стороны Тромсё, и все надежды советского командования по срыву переброски войск в Норвегию теперь были связаны с подлодкой капитана Лапина.

Прекрасно зная, какой теплый прием ему готовят англичане после уничтожения «Мариты», Лапин проявил максимум осторожности во время похода к Вест-фьорду, что в конечном итоге спасло жизнь экипажу подлодки. Достигнув точки рандеву с конвоем Бэйли, он не стал всплывать, а ограничился подъемом перископа. Пролетавшие мимо патрульные самолеты англичан не смогли разглядеть в одном из морских бурунов темного моря перископ подлодки, тогда как идущая в надводном положении субмарина была бы видна им как на ладони.

Зная время и место прибытия конвоя, Лапин недолго провел в томительном ожидании появления своей цели. Ему пришлось всего лишь дважды поднимать перископ, прежде чем на самом краю горизонта были замечены дымы конвоя. С поста акустиков капитану подтвердили результаты его наблюдения. Наступал момент истины, но дальнейшие действия командира советской подлодки в корне отличались от того, что стал бы делать его английский визави. Вместо того чтобы начать сближение с конвоем, а затем атаковать транспорт с перископной глубины, Лапин полностью отказался от подобной тактики боя.

Уйдя с перископной глубины и начав сближение с конвоем, он полностью положился на мастерство своих акустиков, которые не подвели своего командира. Слившись воедино с эбонитовыми чашечками наушников, они сначала отделили шумы винтов эсминцев от шумов «Короля Джорджа», а затем прочно взяли его пеленг.

С самого начала войны Михаил Лапин увлекся идеей так называемого «слепого удара» – атаки противника без поднятия перископа, основываясь только на данных акустика. Этот метод был очень сложен и труден. Он требовал полной слаженности всего экипажа и в первую очередь точности акустиков в наведении на цель. Многие командиры подлодки избегали не только использовать его, но даже говорить о нем, но только не Лапин. Сразу оценив все плюсы от возможности внезапного удара, он с радостью ухватился за него, заразив своей уверенностью весь экипаж.

За все время войны капитан лишь трижды смог проверить столь необычный способ атаки на практике. Дважды победа была за ним и один раз торпеды прошли мимо. Начав охоту на «Джорджа» с таким скромным багажом атак, Лапин шел на огромный риск. Когда подлодка оказалась между кораблями сопровождения и лайнером, старпом предложил командиру поднять перископ.

– Михаил Алексеевич, я считаю необходимым всплыть и поднять перископ. Это даст нам точное представление о месте положения транспорта и поможет лучше сориентироваться перед атакой.

В словах старпома был свой резон, но капитан был непреклонен.

– Всплывать и поднимать перископ сейчас, значит подвергать лодку смертельному риску. На море штиль, сотни глаз сигнальщиков внимательно

глядят за морем, а после гибели «Элизабет» глядят с утроенной силой. В этом можете не сомневаться. Так что атака транспорта «вслепую» – это наш единственный шанс выполнить приказ командования. Иного выхода у нас просто нет.

– Но ведь можно всплыть, поднять перископ, дать залп и благополучно уйти. Вы ведь мастер ухода от «глубинок» противника, – не сдавался старпом.

– Конечно, можно, Павел Константинович, – согласился Лапин, – но вы не учитываете одно обстоятельство. Атакуемый нами корабль – быстроходный лайнер и у него больше шансов уклониться от наших торпед, чем у обычного транспорта. Для его поражения надо бить наверняка, но в этом случае у нас слишком мало шансов уцелеть при перископной атаке. Вы что предпочитаете? Потопить лайнер и героически погибнуть или выполнить задание и остаться в живых.

– А тот ли это транспорт, Михаил Алексеевич? – проигнорировал вопрос командира старпом.

– Тот, тот. Других тяжелых транспортов здесь быть не может.

Капитан Лапин склонился к переговорной трубе.

– Молочков, диктуй пеленг, через каждый градус, – приказал он акустику, и тот принялся выдавать координаты транспорта.

Идя на самом малом ходу, подлодка неторопливо сближалась с легендарным лайнером. Наступал решающий момент в этом напряженном противостоянии. Молниеносные секунды, что ранее пролетали подобно пулям, стали тянуться, превращаясь в невыносимо долгие минуты. На плечи всех, кто находился в эту минуты на центральном посту, давило невидимое, но вполне ощутимое бремя ответственности.

Не отрывая глаз все смотрели на своего командира, который достал из кармана хронометр и зажал его в руке. Слушая доклад акустика, он совершал последние расчеты атаки, не имея права на промах.

Когда, по мнению Лапина, пришло время атаковать, он вновь склонился к трубе и произнес заветную команду:

– Носовые аппараты, товсь!

– Есть, товсь! – один за другим доложили командиру торпедисты.

Лапин выдержал паузу, а затем приказал:

– Пли! – и щелкнул секундомером.

Появление торпед стало настоящим шоком для сигнальщиков конвоя. Подобно страшному кошмару из злой сказки, они неожиданно возникли из толщи воды и, хищно блеснув на солнце своими толстыми темными боками, устремились наперерез «Королю Джорджу».

– Торпеды по правому борту! – подобно напуганным чайкам, визгливо и пронзительно закричали наблюдатели, так и не усмотревшие приближение врага.

Отчаянно загудели басовитые сирены тревоги, к которым присоединился грохот матросских башмаков по палубе корабля, вперемешку с громкими криками страха и отчаяния перед возникшей угрозой.

Стоявшему на капитанском мостике капитану Гуллю было достаточно одного взгляда, чтобы определить всю серьезность положения «Короля Джорджа». Без всякого промедления он положил руль влево, одновременно отдав приказ в машинное отделение «самый полный вперед».

Корабль немедленно откликнулся на приказ капитана, став плавно поворачивать своим могучим корпусом. Мощные стальные винты стали яростно пенить морские просторы, стремительно набирая ход. Благородный «скиталец морей альбатрос» намеревался благодаря своей быстроходности если не уклониться от столкновения с торпедами, то хотя бы получить минимальный урон.

Все козыри, которыми только обладал «Джордж» и его команда, были брошены на стол, но их оказалось мало для отражения нанесенного удара. Он был выполнен столь мастерски и столь расчетливо, что ничто не могло помочь англичанам в этом смертельном поединке. Весело вздымая белые буруны, торпеды догнали лайнер и с интервалом несколько секунд разворотили его изящный стройный борт.

Два огромных столба взрыва взметнулись вверх, словно пытаясь достать столпившихся у борта людей. Мощный удар потряс корпус «короля», и он стал заваливаться на поврежденную сторону. Началась паника, темные клубы дыма стали вырываться из развороченного нутра лайнера, но никто из экипажа капитана Лапина ничего этого не видел. Зафиксировав попадание, подлодка уходила прочь от места трагедии, отчаянно пытаясь избежать глубоководной сдачи от эсминцев коммодора Бэйли.

Узнав о гибели «Джорджа», Адмиралтейство пришло в неописуемую ярость. Гром и молнии обрушились мощным шквалом на головы моряков, не сумевших обеспечить безопасность легендарного лайнера. Казалось, что их судьба уже решена, но тут неожиданно для всех в дело вмешался Черчилль. Поверив клятвенным заверениям коммодора Бэйли и адмирала Болдуина о том, что русская подлодка потоплена, он лично отдал приказ о выходе в море «Куин Мэри».

Затаив дыхание, высокие и не очень высокие чины Адмиралтейства ждали известий из Нарвика. Многие из них были настроены крайне скептично в отношении решения премьера. По их мнению, это был очень опрометчивый шаг. Следовало подождать, подтянуть дополнительные силы и только тогда пускать в ход последний из трех легендарных лайнеров. «Осторожность, мать фарфора», – говорили они, однако Черчилль оказался прав. «Мэри» благополучно миновала все опасные места Вест-фьорда и доставила в Нарвик подкрепление. Самый северный стратегический форпост Британской империи был надежно прикрыт от лап русского медведя.

Не менее напряженно развивались события по ту сторону Бельтов, в районе славного ганзейского города Киля. Передовые подразделения генерала Осликовского, сломив отчаянное сопротивление британских войск, вышли к его

предместьям. В городе находились лишь подразделения британской военной полиции и несколько комендантских взводов. Оборонять город было практически нечем, однако англичане не собирались просто так отдавать столь важный порт на Балтике.

Не в силах остановить наступление советских солдат при помощи сухопутных войск, англичане бросили в бой флот. Но так как на Балтике не было крупных военно-морских британских соединений, англичане решили задействовать свои военные трофея, благо они находились в боеспособном состоянии.

Так из Копенгагена, под прикрытием отряда эсминцев и тральщиков, в Кильскую бухту был переброшен тяжелый крейсер «Принц Ойген» в сопровождении легких крейсеров «Нюрнберг» и «Лейпциг».

Последнему линейному крейсеру фюрера уже ранее приходилось вести бои с войсками маршала Рокоссовского. В марте 1945 года, вместе с линкором «Шлезиен», он огнем своих главных калибров прикрывал подступы к одной из двух главных крепостей немцев на Балтике городу Данциг.

Столь мощный огонь со стороны моря сильно затруднял продвижение советских войск. Неся серьезные потери, они были вынуждены остановиться, что дало возможность немецким войскам упорядоченно отойти к крепости и организовать прочную оборону.

Только вмешательство асов 51-го минно-торпедного авиаполка майора Орленко заставило германские корабли покинуть Данцигскую бухту. Их торпедоносцы и топовики «Бостоны» в пух и прах раскатали балтийскую эскадру фюрера, потопив за день боев несколько транспортных судов противника, миноносцев и вспомогательный крейсер. Сильное зенитное прикрытие, а также воздушная поддержка не позволили советским летчикам добраться до главных сил противника. Единственным утешением было уничтожение собрата «Принца Ойгена», крейсера «Зейдлиц». Давно разоруженный по приказу Деница из-за невозможности восстановления после столкновения с британцами, он использовался немцами в качестве плавучего склада и был выведен из осажденного Кенигсберга в Данциг.

Добротно сделанный на верфях рейха, крейсер «Зейдлиц» выдержал прямое попадание одной бомбы и двух торпед. Лишенный команды и не имея

возможности откачивать воду, крейсер начал тонуть, не имея сильного крена. Почти сутки медленно прибывающая вода проникала в отсеки корабля, пока он не скрылся под водой.

Пощипанные сталинскими соколами и напуганные видом гибнущего «Зейдлица», капитаны «Принца Ойгена» и «Шлезиена» предпочли ретироваться на запад, в спокойный порт Свинемюнде. Именно там в начале мая произошла новая встреча германской эскадры со своими крылатыми противниками. После нее линкор «Шлезиен» был уничтожен, а «Принц Ойген» вновь ретировался на запад, в Копенгаген, где спустил флаг перед англичанами.

Появление трех крейсеров, вместе с эскортом эсминцев, серьезно изменило расстановку сил в Кильской бухте. Тем более что к могучему хору крейсеров присоединились орудия «Адмирала Хиппера», стоявшего в доке Киля. Получив серьезные повреждения в результате налета британской авиации, тяжелый германский крейсер был полностью лишен хода, но имел возможность вести огонь из неповрежденных орудий.

Стремясь переломить ситуацию в свою пользу, англичане бросили против кавалеристов Осликовского все, что имели, и эти действия принесли им успех. Не имея в своем распоряжении тяжелой артиллерии, способной противостоять корабельным орудиям противника, советские соединения были вынуждены приостановить свое наступление на Киль.

Чтобы не допустить повторения Данцигского сценария и не дать британцам возможности организовать оборону города, требовалось немедленно предпринять решительные контрмеры. Счет шел на часы, и Рокоссовский бросил в бой славных торпедоносцев 51-го авиаполка.

Так, в июле сорок пятого года состоялась третья встреча противников, которая должна была стать для кого-то из них последней.

Минно-торпедный авиаполк майора Орленко базировался под Висмаром и находился в полной боевой готовности для перелета в Гамбург. Оттуда летчики должны были начать охоту за транспортами, идущими из Норвегии в датские порты. Ставка прекрасно понимала, что авиация не сможет полностью блокировать все морские коммуникации противника, но появление в этой

акватории моря советских торпедоносцев могло серьезно нарушить планы англичан по переброске немецких солдат в Голштинию.

Летчики и штурманы полка изучали карты пролива Скагеррак и разрабатывали маршруты перехвата транспортов, идущих из Кристиансанн или Осло, когда пришел приказ лететь на Киль. Известие о новой встрече с «Принцем Ойгеном» вызвало бурю радости и ликования. У многих из летчиков были личные счеты с этим кораблем, в особенности у старшего лейтенанта Богачева.

Во время мартовских боев он получил серьезное ранение головы в ходе атаки на крейсер и чудом сумел посадить поврежденный самолет. После лечения летчик вернулся в строй и горел желанием поквитаться с врагом.

Против «главной германской канонерки на Балтике» было брошено 53 самолета, в составе четырех торпедоносцев и восьми топмачтовиков. Сопровождающие их двадцать два «яка» и восемнадцать штурмовиков должны были прикрыть краснозвездные «бостоны» от удара с воздуха и отвлечь на себя огонь кораблей охранения. Координацию действий эскадрильи взял на себя капитан Макаркин, вылетевший на специальном «бостоне», не имея бомбового запаса.

При подлете к цели эскадрилья столкнулась с самолетами прикрытия. По поднятому в воздух числу истребителей англичане превосходили количество «яков» капитана Усачева и имели все шансы сорвать атаку советских торпедоносцев. Однако здесь простое арифметическое счисление потерпело жестокое фиаско.

Точнее фиаско потерпела манера ведения боя англичанами и их союзниками. При встрече с идущими на бомбежку самолетами противника англичане действовали следующими образом. Сначала, используя свое численное превосходство, они сражались с истребителями прикрытия. И только уничтожив их или рассеяв, они принимались за оставшиеся без защиты бомбардировщики.

Советские летчики действовали совершенно по иной схеме. Несмотря на истребительное прикрытие, они атаковали в первую очередь бомбардировщики, стремясь любой ценой помешать противнику выполнение его боевой задачи. Зачастую хваленые асы Геринга не выдерживали столь агрессивного прессинга «лапотных Иванов», и, потеряв несколько машин, они спешно выходили из боя, опустошив свои тугие бомболюки где придется.

Верные своей тактике, столкнувшись с эскадрильей капитана Макаркина, англичане вступили в бой с истребителями капитана Усачева. Завязалась отчаянная схватка, в результате которой «яки» оттянули англичан на себя, дав возможность подопечным Макаркина беспрепятственно подойти к своей цели.

Первыми, следуя указаниям комэска, по врагу ударили «илы». Объектом атаки «черной смерти», как прозвали эти самолеты немцы, стали английские корабли сопровождения германских трофеев. Именно на них обрушился мощный шквал огня из пушек, пулеметов и ракет, которыми располагали прославленные советские штурмовики.

Любой корабль, будь это тральщик, сторожевик, морской охотник, а уж тем более целый эсминец, по своим размерам в несколько раз превосходили танки, пушки и зенитки, по которым в основном работали «илы». И промахнуться по этим громилам было весьма проблематично. Поэтому почти каждый патрон, снаряд или ракета, выпущенная трудягой штурмовиком, попадали в цель и наносили урон противнику.

Огненный смерч пронесся по кораблям королевского флота, прикрывавшего своими бортами крейсера, на мачтах которых развевались трехцветные флаги нацистского рейха. Конечно, потопить и уничтожить боевой морской корабль – задача для штурмовика, прямо скажем, невыполнимая. Для этого за короткое время атаки ему должно очень и очень повезти. Однако безжалостно исковеркать борт и оснастку корабля, уничтожить его экипаж и вызвать пожар на нем – это штурмовику вполне по силам.

Два тральщика и три сторожевика в результате атаки «илов» были вынуждены покинуть Кильскую бухту и уйти в открытое море. Досталось от огненной лавины штурмовиков и королевским эсминцам. «Ил», управляемый старшим лейтенантом Борисовым, храбро атаковал британский эсминец «Фогт» и нанес ему серьезный урон. Два реактивных снаряда угодили в эсминец на уровне ватерлинии, и в корабль стала поступать вода. Получив столь серьезное повреждение, командир эсминца решил ретироваться, с чистой совестью оставив свой боевой пост.

Другой штурмовик, лейтенанта Бахметьева, нанес серьезные повреждения эсминцу «Сэвидж». Невзирая на яростный огонь его «эрликонов», он атаковал командную рубку противника, чем нарушил управление кораблем. В результате его атаки на борту эсминца вспыхнул пожар, и он надолго был исключен из боя.

Отважно атакуя врага, советские штурмовики не только наносили ему урон, но и приковывали к себе всю его зенитную артиллерию. Этим они серьезно помогали «бостонам» в нейтрализации немецких крейсеров, что было сделать весьма затруднительно.

Грамотное расположение кораблей прикрытия очень затрудняло использование против крейсеров торпедоносцев, и главная задача легла на плечи топмачтовиков. Один за другим они атаковали «Принца», сбрасывая в крутом пике бомбы на своего старого врага.

Первым атаковал крейсер гвардии лейтенант Иван Григорьев. Сброшенная его «бостоном» бомба упала точно в районе машинного отделения. На корабле возник сильный пожар, началась паника, но храбрый летчик ничего этого не увидел. Во время пике немецкий зенитный снаряд угодил в кабину пилота, и, потеряв управление, могучий «бостон» рухнул в воду рядом с крейсером, подняв огромный столб воды.

Вслед за товарищем «Принца Ойгена» атаковали другие самолеты, но гитлеровский корабль был словно заговоренный. Сброшенные бомбы ложились рядом с ним либо взрывались прямо под бортом, но ни одна из них так и не попала в крейсер. Видимо, не зря среди летчиков ходили слухи, что во время закладки крейсера, по личному указанию Гитлера, над ним проводились тайные оккультные обряды.

Наибольший урон «Принц» получил в результате атаки лейтенанта Михаила Борисова. От упавшей под кормой бомбы были повреждены винты крейсера. «Балтийская канонерка» фюрера полностью лишилась хода, но это никак не мешало ей вести по берегу огонь.

Наблюдавший за атакой топмачтовиков капитан Макаркин остался недоволен результатами атаки. Жестко высказавшись в адрес неуязвимости «Принца», он отдал приказ «бостонам» уходить на базу для пополнения боеприпаса. Комэск был твердо настроен потопить фашистскую гадину любой ценой.

С тяжелым сердцем он ожидал атаки торпедоносцев, которые приближались к кораблям со своим тяжелым грузом. Опытный летчик отлично видел, как трудно будет им выполнить боевую задачу.

Заходящему на цель «бостону» старшего лейтенанта Егорычева директрису прочно прикрывал английский эсминец с гордым названием «Олбани». Названный по старинному имени современной Шотландии, он не покинул своего места в боевом строю, несмотря на повреждения, полученные в результате атаки «илов». Не испугался командор Эдгар и приближения советских торпедоносцев.

– Задайте им жару, ребята! – коротко приказал он сидящим за «бофорсами» зенитчиками и услышал в ответ:

– Есть, сэр.

Эсминец, вооруженный «бофорсами», мог причинить много вреда идущим следом торпедоносцам, и потому Егорычев принял верное решение. Он решил атаковать «Олбани», расчистить дорогу к «Принцу» и обезопасить своих товарищей. Не обращая внимания на стремительно подбирающиеся к нему смертельные нити зенитного огня, Егорычев точно вывел свой «бостон» на цель и сбросил на воду торпеду.

Наконец-то освободившись из своего тесного узилища, взметая воду винтом, торпеда с шумом устремилась к эсминцу противника.

Храброе презрение угрожающей опасности и исполнение своего долга до конца достойно моряка любой страны. Именно такие люди и приносят победу своим армиям и флотам в жестокой схватке с противником. Были случаи, когда советские моряки ценой своей жизни спасали транспорты, везущие в своих трюмах важные для страны грузы. Смело подставляли они борта своих кораблей, прикрывая от вражеских торпед транспорты с оружием из далекой Англии и Америки. С упорством обреченных на смерть прокладывали через минные поля дорогу пароходам с ранеными и эвакуированными. Таких примеров в истории советского флота было довольно много, и крайне мало их было у западных союзников, с их хорошо развитым инстинктом самосохранения.

Командор Эдгар был дитя своей страны и своего времени. Он был готов храбро биться вместе со всеми, но вот гибнуть в одиночку было в его понимании непозволительной роскошью. Ведь у него была семья, старики родители, да к тому же неплохая выслуга лет, которая вкупе с боевыми наградами позволяла рассчитывать на достойный пенсион после выхода в отставку.

Командор славно бился за свое отечество, флаг и короля, но всему есть разумный предел. Никак нельзя рисковать тем, что заработано непосильным трудом долгих лет. Нет, никак нельзя, и после короткого раздумья Эдгар отдал приказ «полный вперед», уж слишком проворно бежала к эсминцу нежданная гостья.

Решение, принятое командором, было вполне разумным и понятным. Он только уклонялся от вражеской торпеды, а в кого она попадет, это уже не его головная боль. Стоявшие за ним немцы сами могут позаботиться о себе, союзнички на нашу голову.

Выполняя приказ капитана, «Олбани» проворно выкатилась со своей позиции в сторону, и выпущенная Егорычевым торпеда продолжила свой путь, разминувшись с эсминцем.

В жизни часто бывает, что тщательно выверенный бросок проходит мимо, а случайно брошенный камень попадает точно в цель. Так случилось и с атакой Егорычева. Выпущенная по эсминцу торпеда угодила точно в борт «Нюрнбергу», стоявшему невдалеке от «Принца».

Полностью поглощенные стрельбой по берегу и прикрытием от ударов с воздуха, немцы проморгали торпеду, столь любезно пропущенную в их сторону «Олбани». Тяжелый удар потряс крейсер от клотика до киля, словно легендарный бог Тор метнул в него свой волшебный молот. Могучий взрыв вскрыл стальной борт крейсера, словно нож консервную банку, и внутрь его обрушился шквал морской воды. Неудержимым потоком врывался он в незащищенные внутренности корабля, круша на своем пути всё и всех, обрекая красавца «Нюрнберг» на неминуемую гибель.

Однако на этом жизненные коллизии далеко не закончились. По злой иронии судьбы, уклонившись от одной русской торпеды, королевский эсминец попал под удар другой. Идущий вслед за Егорычевым «бостон» капитана Самойловича пытался атаковать борт «Ойгена», направив торпеду между кораблями прикрытия. Маневр был довольно сложный, но в исполнении опытного Самойловича имел неплохие шансы на успех.

Уйти от столкновения сначала от одной, а затем от другой торпеды для быстроходного эсминца не представляло большой трудности. Главное было

вовремя заметить движущуюся по волнам торпеду и совершить маневр уклонения. Командор Эдгар так и собирался поступить, но в самый ответственный момент отказали машины эсминца.

Атака двух штурмовиков не прошла для «Олбани» даром. Многочисленные попадания в машинное отделение дали о себе знать, и вместо привычного быстрого и стремительного хода, корабль стал медленно плестись от надвигающейся смерти.

Когда не везет одному, обязательно везет кому-то другому. Эсминец не смог быстро отвернуть в сторону, и новый взрыв потряс акваторию Кильской бухты. Для любого корабля, независимо от класса и тоннажа, попадание торпеды несет смертельную угрозу. Линкоры и тяжелые крейсера еще могут с горем пополам справиться с нанесенным ударом, но только не эсминцы. Огромной силы удар буквально оторвал корму у «Олбани», навечно вычеркнув его из списка кораблей Его Величества.

Уход командора Эдгара с боевой позиции и взрыв на крейсере «Нюрнберг» серьезно помешали атаке третьего торпедоносца младшего лейтенанта Бузины. Попав в столь сложную ситуацию, он не рискнул атаковать вражеский крейсер сразу и решил повторить атаку на втором заходе.

Приняв это решение, Бузина стал набирать высоту, и в этот момент вражеский снаряд угодил в левый мотор «бостона». Столб дыма и огня вырвался из пораженного мотора, и самолет начал заваливаться на крыло. Ценой огромных усилий Бузина выровнял поврежденную машину, но вражеские зенитки вновь попали в объятый пламенем самолет. Один из снарядов угодил в пилотскую кабину, и его осколки рассекли голову пилота. Ничего не видя, от страшной боли и залившей глаза крови, он мертвой хваткой вцепился в штурвал, не давая самолету свалиться в пике.

Всего несколько десятков секунд прошло с момента попадания в «бостон» младшего лейтенанта Бузины до того момента, когда, потеряв высоту, он столкнулся с вражеским крейсером. Трудно сказать, был ли это намеренный шаг или простое стечение обстоятельств, но, так или иначе, «Принц Ойген» получил прямое попадание в районе капитанского мостика.

Огненный столб, взметнувшийся высоко в небо, в мгновение ока сломал величественный мостик подобно тростинке и отбросил его прочь от корабля. Все, что только могло гореть в радиусе пятнадцати метров, моментально вспыхнуло жарким пламенем, охватившем все носовые надстройки крейсера.

От сильного удара нарушилась подача снарядов в носовые башни, и их грозные орудия были приведены к молчанию. Вслед за этим главную ударную силу крейсера атаковал стремительно набиравший силу пожар. Его огненные языки, плотным кольцом охватившие носовые надстройки корабля, быстро подобрались к орудийным башням. Словно живое существо, пламя атаковало засевших за броней комендоров, травя их едким удушающим дымом и обжигая огнем. Прошло несколько минут отчаянной борьбы людей с огненной стихией, и комендоры были вынуждены покинуть ее.

Когда «бостон» старшего лейтенанта Богачева приблизился к крейсеру, «Принц Ойген» был охвачен клубами дыма и огня. Со стороны могло показаться, что часы корабля уже сочтены, но это было не совсем так. Несмотря на огонь и разрушения, команда крейсера храбро боролась с пламенем и не собиралась опускать руки.

Низко стелящаяся прямо по курсу самолета черная дымовая пелена пожара и хаотичная стрельба пулеметов с кораблей прикрытия заметно усложняли и без того непростую задачу для зашедшего на цель «бостона». Несмотря на появление дыры в рядах прикрытия после гибели «Олбани», повреждение винтов крейсера, в него еще нужно было попасть. И попасть не в нос или корму, а желательно как можно ближе к центру, что давало хорошие шансы на уничтожение корабля.

После получения ранения уничтожение «Принца» для старшего лейтенанта Богачева стало делом чести, и он блестяще произвел атаку. Сброшенная им торпеда лихо промчалась мимо кораблей прикрытия и попала точно в цель, как раз под уничтоженным самолетом Бузины капитанским мостиком.

Мощный взрыв с хрустом проломил броню германского крейсера, добавив новые мазки огня и дыма в общую палитру бушующего на нем пожара. Вода стала стремительно заполнять поврежденные взрывом отсеки, но к огромному разочарованию Богачева, «последняя канонерка» фюрера осталась на плаву.

Получив прямое попадание торпеды, «Принц Ойген» лишь накренился на пораженный борт и тонуть не спешил. Объятый языками пламени, с искореженными и залитыми кровью надстройками, он продолжал оставаться на плаву благодаря отличной работе немецких корабелов.

В этот момент крейсер представлял собой незабываемую картину. Подобно огромному языческому молоху войны, он величественно возвышался над развернувшимся вокруг него сражением и хладнокровно взирал на то, как у его ног гибли как те, кто стремился его уничтожить, так и те, кто его защищал. И в эту минуту трудно было усомниться в том, что крейсер не связан с темными потусторонними силами.

С горечью в сердце докладывал капитан Макаркин высокому начальству о результатах проведенной его эскадрильей операции. Желая довести начатое дело до конца и не дать «Принцу» уйти от законного возмездия, было решено бросить на его добивание эскадрилью пикирующих бомбардировщиков Ту-2. Первоначально они должны были нанести удар по британским частям, отошедшим на ту сторону канала, однако война внесла свои коррективы.

На согласование и подготовку удара у авиаторов ушло около полутора часов, но когда «тушки» появились над Кильской бухтой, «Принца» они там не обнаружили. Было несколько британских эсминцев, которые пытались остановить приближение к городу разрозненных отрядов кавалеристов Осликовского. Втянувшись в узкое горлышко бухты, они были полностью поглощены борьбой с сухопутными соединениями противника и просмотрели налет советских бомбардировщиков.

Внезапное появление стремительных «тушек» полностью изменило картину боя. Если до появления «тушек» англичанам худо-бедно удавалось сдерживать продвижение кавалеристов, то, попав под удар с воздуха, эсминцы ретировались, и дорога на Киль для красных конников оказалась открытой.

Вместе с эсминцами атаке бомбардировщиков подвергся и «Адмирал Хиппер». Его черная громадина была хорошо видна с воздуха и как магнит притягивала к себе внимание советских летчиков. Обратив в бегство английские корабли, они принялись терзать крейсер, чьи орудия уже были приведены к полному молчанию из-за отсутствия снарядов. Именно «Хиппер» принял на себя львиную

долю бомб и снарядов, предназначавшихся исчезнувшему «Принцу Ойгену».

Окончательная судьба крейсера стала известна только после занятия Киля советскими частями. Оказалось, что после ухода эскадрильи капитана Макаркина крейсер продержался на плаву чуть более получаса, после чего благополучно затонул с креном на поврежденный борт.

Причиной столь неожиданной гибели корабля стали не многочисленные повреждения, полученные им во время налета, а чисто человеческий фактор, против которого оккультные чары оказались бессильны. Ведя отчаянную борьбу за крейсер, фрегаттен-капитан Швенде пришел к неутешительным выводам. Лишившись хода и способности вести огонь, «Принц Ойген» полностью исчерпал все свои силы и возможности. В этих условиях следовало подумать об экипаже, и после короткого размышления Швенде приказал оставить корабль, предварительно открыв кингстоны.

Решившись затопить крейсер, капитан принял соломоново решение, так как не желал видеть свой корабль ни под красным флагом, ни под «Юнион Джеком», ни под звездно-полосатым полотнищем.

Все это стало известно спустя месяцы, а пока, обрадованный успехом налета героев торпедоносцев, маршал Рокоссовский утвердил поданные ему наградные списки отличившихся в этой операции летчиков. В них были не только пилоты «бостонов» и «тушек», но и истребители. Своей храбростью и мужеством они не только позволили бомбардировщикам выполнить свою боевую задачу, но и нанесли сильнейший удар по врагу.

И тут дело было не столько в количестве сбитых в бою самолетов противника. Потери понесли обе стороны, но после этого боя, в сердцах британских летчиков прочно поселился страх смерти. Словно эпидемия среди британской авиации, находившейся в Гольдштейне, Дании и Норвегии, стали возникать массовые поломки техники, отказа оружия или внезапная заболеваемость среди пилотов.

Бравые английские асы двинулись той же дорогой, на которую свернули хваленые орлы Геринга в конце 1944 года. Как говорил один легендарный герой: «Тенденция, однако».

Глава II. По Саксонии сосновой, по Тюрингии дубовой

Закончилась первая декада июля, наступила вторая, но разгоревшийся в самом центре Европы военный конфликт не думал угасать. После сокрушительного разгрома в Шлезвиге и неудачи под Лейпцигом стало совершенно очевидным, что задуманный Черчиллем план по пересмотру итогов войны с треском провалился. Самым логичным и закономерным шагом было бы начало переговоров на нейтральной территории, и сидевший в Стокгольме Вышинский демонстрировал полную готовность к началу этого процесса.

За наступление скорейшего мира выступал французский генерал Шарль де Голль, английские лейбористы во главе с Эттли, а также масса различных европейских политиков и парламентариев, частично освобожденных из фашистских лагерей или рискнувших открыть рот после долгого молчания. Все они в массовом порядке слали письма и телеграммы в Лондон, Париж, Ватикан, Вашингтон с просьбой как можно скорее прекратить этот крайне опасный и никому не нужный военный конфликт, но его главный организатор, господин Черчилль, был абсолютно глух к голосу разума.

Прочно прижатый к стене своими военными неудачами, с одной стороны, и долговыми обязательствами перед сильными людьми мира сего – с другой, он продолжал яростно стучать в барабан войны, упорно отвергая любую возможность начать со Сталиным разговор о мире. Ведь в случае прекращения боевых действий ему грозило гораздо большее, чем получение оскорбительного для любого политика «ордена башмака». На кону стояла даже не высокая репутация политического деятеля и государственного мужа, выстраиваемая британским премьером десятилетиями кропотливого труда.

Вопрос шел о самой жизни величественного потомка герцога Мальборо. Ибо как доказала история, любому кумиру достаточно одного неверного действия, чтобы рухнуть со своего пьедестала и превратиться в отверженного изгоя. И чем весомее становилась эта угроза, тем активнее становились действия Черчилля для избежания этой ужасной участи.

Следуя проверенным рецептам кухни доктора Геббельса, для поднятия боевого настроя своего окружения он с поразительной легкостью извергал из своих уст одну ложь за другой, искусно добавляя в них крупицы правды.

– Да, господин Сталин сумел нарушить наши планы, а президент Трумэн, позабыв об англосаксонской солидарности, устроил нам обструкцию. Все это так, но не стоит впадать в панику и излишне драматизировать положение в Европе. Вспомните, что в начале войны с Гитлером положение Британии было куда более угрожающим, и ничего. Мы выстояли тогда, выстоим и теперь. Еще ни разу за четыреста лет ни одна страна мира не могла одолеть нашу империю в военном конфликте Нам нужно крепко сжать зубы и, проявив твердость духа, идти взятым ранее курсом, – вещал Черчилль, по старой привычке хорошо заправившись бренди и яростно попыхивая любимой «гаваной».

– Посудите сами. На севере мы остановили наступление русских на Нарвик, а на юге не позволили ни единому солдату Советов переправиться через Кильский канал. Мы полностью держим под своим контролем датские проливы, прочно заперев флот Сталина в балтийской луже. Русские могут сколько угодно трубить об успехах своей морской авиации, но ни один их корабль не войдет в воды Северного моря, – разливался соловьем премьер, забывая при этом уточнить, что маршал Говоров не пытался штурмовать Нарвик, только лишь обозначил свое присутствие вблизи столь важного для англичан порта. Что же касалось прочно запертого британцами Балтфлота, то на данный момент самыми боеспособными единицами в его составе были подлодки и торпедоносцы. Все остальное нуждалось в срочном ремонте и восстановлении. Впрочем, подобная избирательность вполне характерна для политика любого ранга и калибра.

– Конечно, положение наших войск в Саксонии не совсем то, что мы хотели бы видеть, но смею вас заверить, это лишь временное явление. Отведя наши войска за Эльбу, фельдмаршал Александер удачно спрямил линию фронта и добился определенного стратегического успеха. Взгляните, – важно тыкал пальцем в карту политикан, одетый в китель генерал-лейтенанта, – русские неосмотрительно засунули голову в пасть британскому льву, и нам осталось лишь захлопнуть ее. В настоящий момент наши и канадские войска заканчивают свои приготовления, чтобы в самые ближайшие дни совместным ударом отсечь и разгромить войска маршала Рокоссовского, занявшие Гамбург.

– Все это хорошо, господин премьер, но когда к нам на помощь придут наши союзники – американцы? Сейчас они только сковывают своим присутствием главную силу Сталина – войска маршалов Жукова и Конева, но без их поддержки победа над русскими невозможна, – спрашивало Черчилля окружение, и он, без малейшего промедления и затруднения, отвечал и на этот каверзный вопрос.

– К сожалению, господин Трумэн не совсем полностью разделяет идею англосаксонского единства, в отличие от его великого предшественника. Когда загремели пушки, он не стал подставлять плечо своему единокровному брату, а занялся банальным меркантильным расчетом выгоды. Вместо того чтобы сразу начать громить русские орды, он принялся выяснять, кто главнее в нашем военно-политическом союзе. Ну, не мальчишество ли?! И такой человек встал во главе Америки в столь судьбоносный для всего мира момент, – горестно вздыхал Уинни и тут же успокаивал своих слушателей: – В этом мире все можно исправить, даже такую посредственность, как Трумэн. Слава богу, в Америке еще есть люди, не утратившие здравого смысла и доброго отношения к Англии. Мой специальный посланник Крипс сейчас находится в Вашингтоне и ведет переговоры, как с господином Трумэном, так и с нашими союзниками. Слов нет – это трудные и жестокие для нас переговоры. С оступившимися партнерами всегда разговаривают сквозь зубы, но, несмотря ни на что, консенсус будет найден. В этом я полностью уверен.

На этот раз в его словах была определенная доля истины, но совсем не того размера, который хотел бы видеть Черчилль. На переговорах Трумэн основательно вытирал ноги о беднягу Крипса, но не спешил дать Лондону каких-либо надежд, несмотря на активное давление со стороны деловых кругов.

Едва только советские войска вступили в город, чей герб украшают две башни, как Черчилль обрушился на своих заокеанских партнеров со слезными просьбами об оказании Англии срочной военной помощи.

– Из-за неконструктивной позиции президента Трумэна Британия оказалась один на один с Советской Россией. Если в самое ближайшее время со стороны генерала Эйзенхауэра нам не будет оказана самая действенная поддержка, то Америка лишится своего самого верного и надежного союзника в противостоянии с коммунистической угрозой. Только решительные действия американских войск смогут обуздать Сталина, исходящая угроза от которого для всего цивилизованного мира ничуть не меньше былой угрозы со стороны Гитлера, – взывал Черчилль к сильным мира сего, ловко играя на их страхе потерять законные дивиденды от войны. Это было самым уязвимым местом любого финансового магната, и потому горькие причитания британского премьера не остались без внимания.

Заокеанская закулиса была огромной силой, поддержкой которой был бы рад заручиться любой политик, как в Америке, так и за ее пределами. Ее мнение

учитывал каждый американский президент двадцатого века при принятии того или иного важного государственного решения, и президент Трумэн не был исключением. Однако на этот раз коса нашла на камень.

Гарри внимательно слушал все, что ему говорилось, но не спешил принимать каких-либо решений по возникшей проблеме. Подобным поведением он не только жестоко мстил Черчиллю за болезненный апперкот, полученный им неделю назад. Американский президент стоически ждал наступления момента истины, который яйцеголовые умники из Лос-Аламоса назначили на 16 июля. Именно в этот день должен быть получен ответ на самый важный в этот момент для Трумэна вопрос: будет Америка обладать самым мощным и разрушительным оружием в истории человечества или нет.

В случае удачного проведения испытания «изделия № 1» президент Трумэн поднимался на небывалую высоту и мог надолго заткнуть рот как внешним, так и его внутренним оппонентам. Ведь крайне трудно спорить с человеком, имеющим столь весомый аргумент, как атомная бомба.

Таково было положение дел, которое было нарушено двенадцатого июля наступлением Красной армии на севере Германии. Ставка придавала ему очень большое значение. Сталин лично контролировал подготовку этого наступления и очень часто звонил на командный пункт 2-го Белорусского фронта. Последний звонок был всего за несколько часов до начала наступления.

– Здравствуйте, товарищ Рокоссовский. Как обстоят у вас дела с исполнением последней директивы Ставки? – буднично поинтересовался генералиссимус. Приученный за годы войны к соблюдению режима секретности в разговорах по телефону, он всегда старался говорить лаконично, стараясь не дать даже минимальной информации для посторонних ушей. Даже при разговорах с командующими фронтов по линии ВЧ, которая, по утверждению компетентных лиц, была защищена от угрозы прослушивания.

– Здравствуйте товарищ Сталин. Сосредоточение соединений фронта завершено. Войска заняли указанные Ставкой исходные рубежи атаки и в назначенное время начнут наступления. Большое спасибо за гвардейские корпуса, Иосиф Виссарионович. Их поддержка очень поможет фронту выполнить поставленную перед нами задачу в кратчайшие сроки, – следуя примеру

собеседника, комфронта также старался говорить коротко и сжато.

– Рад это слышать. Как вы видите, Ставка постаралась максимально учесть высказанные вами предложения и пожелания по проведению наступления, товарищ Рокоссовский. К сожалению, мы не смогли организовать сильное прикрытие с воздуха. Воздушная армия генерала Вершигоры понесла довольно серьезные потери, что не позволяет ей эффективно действовать на обоих направлениях сразу. В ближайшее время мы попытаемся исправить сложившееся положение за счет вашего соседа. Он тоже рвется в бой, но у него сейчас другая задача – прикрывать ваши фланги. Так что самолеты обязательно будут, а пока их нет, Ставка передала вам дополнительные соединения зенитной артиллерии. Они уже поступили в ваше распоряжение и приданы наступательным частям?

– Да, зенитчики генерала Комоедова прибыли и находятся в резерве фронта. Согласно директиве Ставки они будут переданы в войска сразу после начала наступления и прорыва обороны противника.

– Ставка очень надеется, что ваши войска смогут разрешить «английский вопрос» и избавят нас от борьбы на два фронта с нашими бывшими союзниками. Несомненно, англичане уже отошли от шока неудач первых дней, однако они не успели создать перед войсками вашего фронта полноценную оборону. Для этого нужно время, а его-то у противника нет, и наша задача – максимально использовать это преимущество до того момента, пока в дело не включились американцы.

– Вы считаете, что генерал Эйзенхауэр все же решится на этот шаг? – с сомнением спросил Рокоссовский.

В ответ Сталин промолчал, а затем, вздохнув, продолжил разговор:

– Мы с вами реалисты, Константин Константинович. Каким бы честным и порядочным военным ни был бы генерал Эйзенхауэр, он вряд ли сможет противостоять давлению тех, кто стоит выше него. Того финансово-политического круга, что развязал этот конфликт. Сейчас американцы все еще придерживаются нейтралитета, но рано или поздно они вступятся за господина Черчилля. Это, к сожалению, не вызывает сомнения. Поэтому войска вашего фронта должны не просто в очередной раз разгромить англичан. Вы должны

лишить их возможности в течение ближайшего месяца вести какие-либо наступательные действия. Чтобы в решающий час испытаний у американцев не было союзника, способного оказать ему реальную помощь.

Сталин замолчал, давая возможность Рокоссовскому лучше понять и уяснить сказанные слова. Также он ожидал, что маршал станет задавать вопросы, но тот молчал, так как давно был готов к подобному развитию событий.

– Задача, поставленная перед вами Ставкой, сложная и очень ответственная. Не каждому полководцу под силу продолжить наступление при растянутых тылах и минимумом времени для его подготовки. Но Верховное командование знает, кого ставить на направление главного удара. Оно твердо верит, что советский Багратион блестяще справится с возложенной на него задачей и приведет свои войска к указанному Ставкой рубежу. При вашем таланте иного и быть не может, – завершил беседу Верховный.

О том, что русские в скором времени могут предпринять новое наступление на севере Германии, в ставке фельдмаршала Александера, что называется, догадывались. За это говорили не только данные воздушной разведки и радиоперехвата, непрерывным потоком поступавшие в штаб британских экспедиционных сил. Эта незатейливая и вполне логичная мысль наглядно проистекала из всех предыдущих действий маршала Рокоссовского, и чтобы понять это, не нужно было быть семи пядей во лбу.

Одним словом, все знали, понимали и даже готовились, но когда это случилось, все британское руководство во главе с Александером и находившимся в штабе Черчиллем испытало сильный шок.

Во-первых, эти коварные русские наступали совсем не там, где, по мнению английских генералов, они должны были наступать. Так, вместо того чтобы попытаться форсировать Кильский канал и попытаться захватить Фленсбург вместе с находившимися там остатками кригсмарине, соединения 2-го Белорусского фронта двинули прямо в противоположную сторону, по направлению к бывшему свободному городу Бремену на Везере. Во-вторых, вопреки всем самым точным и верным прогнозам многочисленных светочей и пророков из британского генерального штаба, главную ударную силу войск маршала Рокоссовского составляли отнюдь не моторизированные полки

советской пехоты, а танковые гвардейские корпуса.

Справедливо полагая, что войска 2-го Белорусского фронта потратили большую часть своего ударного потенциала в боях на землях Шлезвига, британские штабисты исключали маршала Рокоссовского из числа активных игроков на ближайшие две недели. Все их внимание было приковано к армиям покорителя Берлина маршала Жукова.

Именно войска 1-го Белорусского фронта, по мнению англичан, могли нанести из-за Эльбы удар вдоль границы американских и английских оккупационных зон по направлению столицы Нижней Саксонии – Ганноверу. При этом они не исключали возможность нанесения вспомогательного удара войсками маршала Конева в районе Лейпцига. Об этой угрозе американцы были заблаговременно извещены и даже нашли подтверждения коварных намерений русских.

Прикрывавшие Бременское направление соединения 2-й британской армии не смогли вовремя вскрыть опасное сосредоточение войск противника против себя. Бравые сыны Туманного Альбиона попросту проспали нависшую над ними угрозу, что на войне было вполне обычным делом. Соблюдая максимальную осторожность, прибывшие к Эльбе танковые соединения передвигались скрытно, исключительно ночью. Для советских соединений это был привычный тактический маневр, которым они, в отличие от своих противников, владели в совершенстве. К этому их приучило долгое противостояние с лучшей армией мира.

Занимавшие важный железнодорожный и шоссейный узел Розенгартен английские части были серьезно потрепаны в предыдущих боях и не имели полного штатного состава. Имея хорошую оборону, они бы смогли противостоять пехотным соединениям русских, а их полевые пушки, «Матильды» и «Шерманы», при удачном течении сражения могли бы отразить их наступление самоходок и «тридцатьчетверок». Однако создать у себя глубокоэшелонированную оборону они не успели, а против них действовали соединения гвардейских танков.

Остановить атаку мощного ИС-2 можно было, либо действуя из хорошо организованных засад, либо выкатить на прямую наводку зенитные орудия крупного калибра. Только так можно было пробить броню советского тяжеловеса, но, к сожалению, у англичан не было подобного опыта борьбы с танками.

Не выдержав стремительного натиска танковых рот и батальонов противника, британская оборона развалилась, как карточный домик. Подавив небольшие очаги сопротивления, советские войска устремились вперед по зеленым просторам Нижней Саксонии.

Стремясь спасти положение, англичане решили применить против противника свой главный козырь – авиацию. В прежних сражениях, вооруженные неуправляемыми ракетными снарядами, английские пилоты показывали неплохие результаты в борьбе с немецкими танками. Среди славных сынов Альбиона были асы своего дела, которые могли попасть в движущуюся цель чуть ли не с первого захода.

Фельдмаршал Александер очень надеялся, что подопечные генерала Стоуна выступят против русских так же хорошо, как и против немцев, но после первого налета его надежды развеялись, как дым. Танковые гвардейские соединения противника имели очень хорошее прикрытие от ударов с воздуха. Атаковав бронетанковую колонну, движущуюся на Тоштедт, английские эскадрильи понесли весьма ощутимые потери личного состава, которых у них не было почти два года.

Первым неприятным сюрпризом для англичан оказалось наличие у русских танкистов многочисленных зенитных установок. Выставленный ими заградительный артиллерийский огонь стал серьезной помехой для британских пилотов в демонстрации своего умения поражать реактивными снарядами цели. Вслед за этим выяснилось наличие у танковой колонны и истребительного прикрытия, которое свело все усилия англичан на нет.

Столь сильное прикрытие от ударов с воздуха гвардейских танковых соединений объяснялось довольно просто. За потерю чуть ли не каждого тяжелого танка высокое командование отвечало лично перед Ставкой Верховного Командования в лице товарища Сталина, который был весьма требователен в этом вопросе.

С честью выдержав столь серьезную проверку боем, гвардейские подразделения продолжили свое движение вперед. Не считаясь с понесенными потерями, они полностью разломали оборону противника на изолированные очаги сопротивления и вышли на оперативный простор. Уничтожение вражеских узлов обороны было возложено на идущую следом мотопехоту.

В первый день наступления советскими танкистами с боями было пройдено тридцать семь километров. Преследуя стремительно отступающего врага, они достигли небольшого городка Штаден, вблизи которого были вновь атакованы авиацией противника. На этот раз против них были брошены скоростные бомбардировщики «Москито».

Благодаря внезапности нападения и высокой маневренности, они смогли нанести существенный урон русскому танковому авангарду. В результате удара с воздуха в роте капитана Котельникова было повреждено четыре танка, два из которых были сожжены в результате прямого попадания.

Зенитный огонь прикрытия «Исов» оказался малоэффективным против столь подвижного противника. Эскадрилья «Москито» покинула поле боя без потерь, однако когда через полтора час англичане повторили налет, результаты были иными.

Получив жестокий урок, советские танкисты рассредоточили и замаскировали свои машины. Главный удар «Москито» приняли ранее поврежденные, которые русские не успели увезти в тыл на ремонт. Темные громады «Исов» стоически принимали на себя новые удары врага, против которого теперь действовали все силы зенитного прикрытия.

Как бы ни были быстры и проворны бомбардировщики противника, но против грамотно расставленных зенитных орудий они оказались бессильны. Подбитые танки оказались своеобразной приманкой, заманившей английских асов в смертельную ловушку. Зная примерную цель атаки врага, советские зенитчики вели упреждающую стрельбу, принесшую им серьезный успех. Во время атаки один «Москито» был сбит, а два других получили повреждения, причем довольно серьезные. На обратном пути один из подбитых самолетов рухнул на землю в районе Ратенбурга, а другой был сбит «яками», прилетевшими на защиту гвардейцев.

Подобные потери эскадрильи «Москито» оказались холодным душем для горячих британских парней. Дело в том, что обычно на тысячу вылетов этих скоростных бомбардировщиков число потерь составляло в среднем до шестнадцати машин. И потери эти «Москито» несли вовсе не от зенитных орудий немцев, а от их реактивных истребителей. Простым «мессершмиттам» было довольно трудно бороться в ночном небе с этим вертким и маневренным противником.

Когда на землю спустился вечер, и боевые действия прекратились, в штабы обоих противоборствующих сторон устремился поток рапортов, донесений и докладов об одержанных успехах, неудачах и понесенных потерях.

Положение 2-й британской армии в Нижней Саксонии было, мягко говоря, плачевным. Ранее разрезанная войсками маршала Рокоссовского на две части, новым наступлением противника она оказалась перед угрозой быть вновь разделенной. Русский танковый клин, рвавшийся к Бремену, грозил отсечь части сил англичан на побережье моря в районе Бремерхафена.

Остановить продвижение тяжелых танков противника фельдмаршал Александер не мог из-за отсутствия резервов. Единственным выходом из создавшегося положения было отступление, приказ на которое и был отдан войскам по радио в ночь с 12 на 13 июля.

Не имея сил и возможности защищать Бремен, англичане решили пожертвовать им для спасения своих главных сил. Они стали спешно отводить свои войска вглубь Нижней Саксонии к двум ее главным городам Ганноверу и Оснабрюке. Сосредоточив вокруг них достаточное количество сил, фельдмаршал Александер намеревался превратить их в опорные пункты обороны, наподобие знаменитых немецких городов-крепостей фестунгов.

Это тактическое изобретение Гитлера конца войны заметно осложняло наступление советских армий зимой и весной 1945 года. Фестунги надолго привязывали к себе значительные силы наступающих войск, необходимых для их блокады или штурма. Конечно, немецкая идея не являлась спасением от бронированных клиньев противника. На образование полноценного города-крепости требовалось время и силы, которых у англичан к этому моменту просто не было. Но вот создать крепкий пункт обороны, способный если не остановить наступление русских танкистов, то доставить им большие хлопоты, это британцам было вполне по силам.

Одновременно с отходом на юг англичане начали отвод своих войск из Бремерхафена. Всю ночь и весь день неудержимым потоком двигались они на ту сторону устья Везера, оставляя русским нетронутыми верфи и портовые сооружения этого города. Некоторые горячие головы предлагали уничтожить хотя бы что-нибудь, но получили жестокий отпор со стороны высокого

командования. Частная собственность транснациональных корпораций была священна.

Благополучно переправившись за реку, солдаты генерала Бакстона принялись лихорадочно организовывать оборону в районе Ольденбурга, благо для этого были все условия. Созданный немцами судоходный канал между Везером и Эмсом был идеальным барьером, прикрывавшим порты Восточной Фризии на случай внезапного вторжения с востока.

Отсутствие у британцев крупных резервов в районе Бремена и их решение отступить к Ганноверу в значительной мере облегчило наступление советских танкистов утром 13 июля. Уже к полудню ими был занят Ратенбург, а ближе к вечеру перед авангардом гвардейцев предстал и сам Бремен.

Нельзя сказать, что поход на «город серебряного ключа» был подобен простому марш-броску, который совершали американцы и англичане в конце апреля и начале мая по дорогам Германии. Дважды танковые колонны русских были атакованы королевскими ВВС, но без особого результата. Скоростные «Москито» были хороши для нанесения точечного удара по неподвижной цели, но против движущихся целей их эффективность оставляла желать лучшего. К тому же увеличилось число истребителей, прикрывавших танки, которые не позволяли «Москито» безопасно спуститься с высоких небес и повторить штаденский успех.

Кроме налетов авиации, было несколько боевых столкновений, в которых противником советских танкистов выступали большей частью немцы. Так на подступах к Ратенбургу дорогу «Исам» преградили две роты автоматчиков при поддержке минометной батареи. Брошенные англичанами на произвол судьбы, немцы решили сами оборонять свои города от «большевистской заразы». С упорством обреченных на смерть людей они в течение почти двух часов вели неравный бой с тяжелыми танками батальона майора Герасименко.

Вооруженные фаустпатронами, они могли бы нанести ощутимый урон гвардейскому авангарду, но злость и злоба основательно подвели немцев. Всю свою ярость они выплеснули на взвод советской разведки, состоявший из мотоциклистов и пары легких танков. Когда подошли главные силы танкового батальона, положение дел было ясным, и танкисты принялись огнем с дальних позиций уничтожать засевших в строениях немцев.

К вечеру 13 июля передовые подразделения Красной армии вступили в Бремен, но Черчилль не был бы самим собой, если бы не постарался извлечь из своих военных неудач определенные политические дивиденды. Наступление советских войск в Нижней Саксонии было воспринято всем прогрессивным демократическим миром как акт агрессии, что автоматически изменяло ранг британского премьера. Из злокозненного поджигателя войны подвергшийся заслуженному остракизму Черчилль в мгновение ока становился жертвой насилия со стороны тирана Сталина и нуждался если не в защите, то уж в явном сочувствии.

Таковы реалии и причуды свободного общества, которому должны следовать все, невзирая на личные симпатии или антипатии. И как бы ни была сильной злость Трумэна на Черчиллю, столь не к месту и не вовремя заварившего эту кашу в Европе, он был вынужден сменить тон при общении с Крипсом. Во время очередной встречи с британцами Трумэн прекратил наносить ему хуки и всевозможные апперкоты. Президент выразил свое полное несогласие с действиями Сталина и пообещал призвать его к скорейшему ответу. В качестве проявления своей доброй воли к попавшему беду собрату он известил Крипса о своем решении возобновить поставки в Англию по ленд-лизу.

Для опального Черчилля это событие было серьезным успехом, однако аппетиты британского премьера простирались гораздо дальше полученного результата. Черчиллю было мало получения индульгенции от Трумэна за свои недостойные махинации, совершенные им за спиной «большого брата». Он хотел получить статус полноправного политического партнера и союзника в «крестовом походе против большевиков», и у него были довольно серьезные основания.

Все дело заключалось в том, что согласно ялтинским соглашениям, бывший вольный город Бремен отходил под управление американской оккупационной администрации. К началу июля 1945 года военно-административная миссия янки в составе сорока двух человек успела въехать в город на Везере и приступила к его управлению.

Соглашаясь на отвод английских войск от Бремена, Черчилль надеялся спровоцировать открытый военный конфликт между русскими и американцами. За все время возникновения конфликта, благодаря максимально взвешенной позиции Сталина, две великие державы так и не пересекли роковую красную черту.

На все провокационные действия со стороны солдат армии Венка Москва ограничивалась призывами к Вашингтону навести порядок в своей оккупационной зоне и только. Военных действий по ту сторону разграничительной линии русские не вели. В свою очередь, на предъявленные Москвой претензии Вашингтон отвечал длинными и пространными заявлениями о своих намерениях досконально разобраться в этом непростом вопросе.

Шла своеобразная игра в «глухой телефон», которую не изменил даже конфуз, случившийся с немецко-американской армадой под Лейпцигом. Узнав о досадном инциденте в Саксонии, президент Трумэн лишь глухо огрызнулся на «шалости» генерала Паттона. Инициатору прощупывания слабых мест у русских было предложено срочно явиться в Белый дом, перед ясные очи президента. Приказ был по-военному лаконичен, но виновник не спешил его выполнять. В отправленной за океан телеграмме говорилось, что генерал попал в автомобильную аварию, в результате чего в данный момент никак не может приехать в Вашингтон.

Не желая идти на открытую конфронтацию с генералами победителями, Трумэн молча проглотил эту выходку Паттона, но в своей записной книжке поставил против его фамилии три восклицательных знака. Время конфликтов со звездными генералами пока не наступило.

Бросая русскому медведю бременскую «кость раздора», Черчилль очень надеялся, что американский орел немедленно бросится в бой, к великой радости островитян. Стравливание двух сильных мира сего было излюбленным коньком британской дипломатии на протяжении последних пятисот лет и, как правило, всегда приносило нужный для империи результат.

Черчилль с большим нетерпением ожидал возникновения громкой склоки между Москвой и Вашингтоном после занятия советскими войсками Бремена, но к огромному его разочарованию, ничего серьезного не возникло. Нет, со стороны Госдепа, конечно, раздался властный окрик в сторону Кремля, напоминающий русским, что они вступили в священные владения Америки, но дальнейшего продолжения не последовало.

Хитрый дядя Джо заметил подстроенную англичанами ловушку и попытался ее обойти. По его приказу войска маршала Рокоссовского лишь взяли под свой контроль мосты через Везер и прилегающую к ним территорию. Вся власть в

городе осталась в руках американской военной администрации.

После этих событий Москва и Вашингтон обменялись дипломатическими нотами. В них одна сторона объясняла причину своих действий, а вторая грозно требовала соблюдения статус-кво в вопросе о Бремене.

Красная черта конфликта вновь так и не была пересечена, что вызвало громкое негодование со стороны Черчилля. Едва это стало известно, как он разразился потоком громких проклятий в адрес дилетанта Трумэна, предавшего Англию в столь трудный для нее момент.

Запасы бренди в штабе Александера стали стремительно сокращаться, что заметно сказалось на речи премьера. Выражая свое негодование в отношении американского президента, Черчилль не особенно стеснялся в выражениях, более свойственных простолюдину, чем британскому лорду.

Трудно сказать, во что могло все это вылиться, но положение исправил звонок с той стороны Большого пруда. Доброжелатели британского премьера призывали его быть мужественным и держаться. В самом скором времени в политике Белого дома грядут большие изменения, как в отношении Лондона, так и в отношении Москвы.

Большего заокеанские доброжелатели сказать не могли, но и то, что услышал Черчилль, хорошо взбодрило его. Старый ястреб моментально почуял ветры перемен и вопреки советам своей свиты остался в штабе фельдмаршала Александера.

Тем временем советские танкисты продолжали свое стремительное наступление. Перейдя Везер, подопечные генерал-лейтенанта Панфилова, не дожидаясь подхода тылов, двинулись вперед, но не совсем в том направлении, как предполагали англичане.

Поднятые в воздух самолеты разведки утром 14 июля засекли продвижение советских подразделений в направление столицы Нижней Саксонии. Об этом было незамедлительно доложено фельдмаршалу Александеру, и обороняющие подступы к Ганноверу войска были приведены в полную боевую готовность. Сотни противотанковых пушек, танков и самоходок застыли в ожидании врага,

готовясь разгромить его бронированный клин сокрушительным ударом. Десятки самолетов, выстроившись на летном поле, ждали команду на взлет, чтобы, взмыв в небо, обрушить смертоносный груз на головы противника. Англичане с нетерпением ждали танки врага, но они так и не появились.

Безрезультатно прождав обещанного противника всю первую половину дня, англичане забеспокоились его исчезновением. На поиски русских танков были подняты в небо разведчики, которые вскоре смогли внести ясность в этом загадочном явлении. Оказалось, что советские танкисты остановились на рубеже городка Мазен, в двадцати километрах от Нинбурга. Этот порт на Везере был передовым пунктом обороны англичан к северу от Ганновера.

Получив это известие, англичане решили, что русские накапливают силы перед штурмом Ганновера. Единогласно утвердившись в этом решении, они позволили противнику продолжить накопление живой силы на занятом им рубеже до вечера. Когда же стрелки часов показывали 17.00, с аэродромов взлетели самолеты с приказом уничтожить всех и вся в районе Мазен.

Поднятые в воздух «москито», «ланкастеры» и «галифаксы» четко выполнили поставленное перед собой задание. Поднявшись на высоту пяти тысяч метров, они достигли нужной точки и дружно распахнули свои бомболюки. Естественно, при такой высоте ни о каком точном попадании речи и быть не могло. Славные сыны Альбиона произвели классическое накрытие по площадям, стремясь одним мощным ударом прихлопнуть зловредную русскую блоху.

О том, что удар состоялся, было понятно по многочисленным точкам пожаров, хорошо видимых в наступающих сумерках. Прожорливые языки пламени жадно пожирали разнесенные в пух и прах дома местных немецких бюргеров. Долгие шесть лет страшные ужасы войны обходили стороной саксонские равнины, но теперь пришла и их пора пить горькую чашу печали.

Под сводящий с ума свист бомб и их оглушительные взрывы сиротели дети, распадались семьи, уходили в небытие целые фамилии. За какой-то миг добротный немецкий городок превратился в пылающий ад, в котором удалось уцелеть лишь нескольким домам. Все остальное было превращено в дымящиеся руины.

Именно их многострадальный вид и был запечатлен фотокамерой английского разведчика, пролетевшего над городком рано утром следующего дня. Блестящие глянцем фотографии дымящихся руин Мазена несколько подняли настроение фельдмаршала Александера, расстроенного потерей во вчерашнем налете одного «галифакса» и «ланкастера».

Сам налет был проведен блестяще. Площади были полностью накрыты, глаз радовался от проделанной работы, но случилась досадная неприятность. Два звена бомбардировщиков, отправленных на бомбежку русских танкистов, несколько запоздали. Когда они приблизились к Мазен, все было кончено. Город пылал, и просто так высыпать бомбы в столбы пламени для командиров королевских летающих крепостей было верхом неприличия.

После недолгого размышления они решили продолжить охоту, благо для этого были все предпосылки. Горючего было вдоволь, самолетов противника не было, а с земли никто не бил из зенитных орудий. Сказано – сделано, и снизившись, пилоты стали искать достойные для себя цели.

Делая этот шаг, англичане полностью позабыли, что лучшее – враг хорошего и удача переменчива. Не успели они опустошить свои бомболюки, как неожиданно появились советские истребители. Они не были посланы на защиту попавших под бомбежку частей. У них было другое задание, но, встретив противника в воздухе, советские пилоты не смогли пролететь мимо просто так.

По здравому и логическому размышлению, легкие истребители никак не могут помешать налету таких стратегических бомбардировщиков, как «Галифакс» и «Ланкастер». Прекрасно вооруженные и с довольно приличной скоростью они могли достойно постоять за себя. Одни только находящиеся в хвосте самолета пулеметы чего стоят.

Однако у напавших на британские бомбардировщики советских летчиков была своя логика. В отличие от сидящих за штурвалами самолетов королевских пилотов, у них на первом месте стояло служение Родине, а не стремление любой ценой сохранить свою драгоценную жизнь. Поэтому, вопреки логике и правильным рассуждениям, они вступили в бой с врагом, будь он трижды стратегическим бомбардировщиком.

Как ни яростно строчили из своих пулеметов королевские стрелки, но тугие струи их смертоносных очередей так и не могли настичь бросивших им вызов «лавочкиных». Как бы ни были сильны и могучи их спаренные пулеметы, в юркого и проворного врага еще надо попасть. Нужно успеть сбить или хотя бы повредить его, прежде чем он стремительно пронесется над тобой и сделает свое ужасное «та-та-та».

«Та-та-та» раз, «та-та-та» два – и вот уже перебиты маслопроводы, дымятся моторы, горит фюзеляж. Проходит несколько невыносимо долгих минут, и блестящее творение британских мастеров, стоящее десятки тысяч полнокровных английских фунтов стерлингов, потеряв высоту, падает на землю. И вид его величественных обломков моментально рождает в умах зрителя легендарную латинскую фразу: «Сиг транзит глория мунди».

Фото руин и полное отсутствие наступательных действий со стороны русских несколько успокоило и обрадовало Александера и его штаб. Сразу же в войска было отправлено сообщение об успешном действии английской авиации, что сумела остановить наступление противника. Продолжая славное дело доктора Геббельса, англичане оценили нанесенный им ущерб десятками единиц бронированной техники врага, скромно установив планку потерь его между двадцатью и тридцатью танков.

Убаюканные собственной ложью, британские штабисты не придали серьезного значения сообщению воздушной разведки, что советские войска замечены вблизи небольшого городка Эмстек к западу от Бремена. После недолгого обсуждения было решено, что этими действиями русские пытаются прикрыть свои оголенные фланги от удара с севера, перед наступлением на столицу Нижней Саксонии.

Ведь что могли забыть танки дяди Джо в болотистых землях Тевтобургского леса, где в свое время сложил голову легендарный римский полководец Квинтилий Вар. Их главная цель – Ганновер, занятие которого создавало серьезную угрозу тылам приходящей в себя после разгрома 2-й британской армии.

Так полагали мыслители британской стратегии, но данные воздушной разведки, полученные к середине следующего дня, несколько озадачили их. Оказалось, что вопреки их мнению, Эмстек был занят танковыми соединениями противника, а не мотопехотными, как они ранее предполагали. Мало того, удачно проскочив

горловину саксонских болот, русские танки продолжили свое движение на запад, заняли Клоппенбург и уже приблизились к переправам через реку Хазе.

Одновременно с этим пришло сообщение, что занявшие Мазен советские части предприняли попытку наступления на Нинбург. После короткой артподготовки в виде удара гвардейскими минометами, силами двух рот при поддержке танков, они атаковали передовые позиции англичан, но были остановлены. Была ли это разведка боем или плохо подготовленное наступление, сказать было трудно. Реактивная артиллерия русских нанесла серьезный урон противотанковым батареям, хорошо сработала разведка, но минные поля англичан, прикрывавшие подступы к Нинбургу, не позволили им развить этот успех. Повредив на минах две машины, русские танкисты отступили, а пехота без их поддержки не решилась идти на штурм.

Сразу, как только в штаб армии поступило сообщение о начале штурма Нинбурга, на помощь оборонявшей его бригаде были посланы две эскадрильи бомбардировщиков в сопровождении истребителей. Этот налет был весьма удачен для англичан. По утверждению летчиков, огнем с воздуха было уничтожено три танка противника и один гвардейский миномет. У них, видимо, были проблемы с двигателями, так как машины стояли посреди дороги, а вокруг них суетились люди.

Подобные действия противника сильно озадачили штабистов Александера. После недолгого, но очень бурного совещания было решено считать действия русских под Нинбургом отвлекающим маневром. Понеся серьезные потери от бомбежки Мазен, маршал Рокоссовский решил отказаться от наступления на Ганновер и перенес направление своего главного удара на Оснабрюке. Подобное решение существенно осложняло наступление советских дивизий, но имело свои серьезные плюсы в борьбе за Нижнюю Саксонию.

– Рокоссовский наверняка узнал, что мы ждем его под Ганновером, и теперь ударом на Оснабрюке хочет сначала окружить наши силы на Везере, а затем ударом с запада уничтожить ее, – докладывал Черчиллю фельдмаршал Александер после вечернего заседания штаба армии. – Ход довольно рискованный, но вполне здравый. Умело создав иллюзию продолжения наступления на Ганновер, он заставил нас стянуть сюда все наши силы и резервы. Из-за этого Оснабрюке остался без серьезного прикрытия, и Рокоссовский стремится воспользоваться этим.

– Если это так, то необходимо срочно усилить наши силы на этом направлении, – живо откликнулся на слова фельдмаршала премьер. – Маршал Рокоссовский один из лучших полководцев Сталина. Он большой мастер хитрых маневров, и давать ему какую-либо фору совершенно недопустимо.

– Не беспокойтесь, господин премьер-министр. Мною уже отданы необходимые распоряжения, и переброска войск к Оснабрюке началась, – успокоил Черчилля Александер.

– Меня очень волнует та скорость, с которой русские танки продвигаются по нашим тылам. Посмотрите, сначала Бремен, теперь это быстрое продвижение на Оснабрюке. Нет ли здесь для нас угрозы, что мы можем потерять нашу Саксонию так же быстро, как Сталин потерял Белоруссию в июне сорок первого года.

– Скорость продвижения русских танков также не доставляет мне радости, но этому есть свои объяснения, сэр. Против русских танков нет единого фронта, что позволяет им обходить наши очаги сопротивления, используя свое численное превосходство. Единственное противоядие от танковых клиньев Рокоссовского – это контрудары в их основание. А для этого необходимо время и нужное количество сил на направлении удара, чем мы, к сожалению, сейчас не располагаем.

– Благодарю за столь честный и лаконичный ответ, Гарольд, но он не уменьшает мою озабоченность в отношении Саксонии. Когда мы сможем остановить войска Рокоссовского?! Ведь судьба Оснабрюке и всей нашей армии под большой угрозой!

– Я полностью разделяю ваше опасение относительно угрозы Оснабрюке, сэр Уинстон, но смею заверить вас, что дела наши не так плохи. Да, Рокоссовский угрожает окружить нашу армию, но для этого ему так же, как и нам, нужно время и силы. С ходу взять Оснабрюке ему не удастся. Все шоссейные дороги, ведущие к городу, перекрыты нашими противотанковыми батареями, а болотистая местность полностью исключает возможность обхода. Русским придется атаковать наши позиции в лоб, а это для танкового авангарда не под силу. Придется ждать главные силы, а это потеря времени. Наши резервы будут в Оснабрюке уже завтра, и значит, войска Рокоссовского застрянут. Застрянут хорошо, потеряют еще время, а через двое суток мы нанесем свой контрудар под основание русского клина. Вот так. С севера со стороны Ольденбурга и с юга со стороны Нинбурга.

– Здесь? – спросил Черчилль, уставившись в висевшую на стене карту Саксонии. – А почему не со стороны Люнебурга и Зольдау? Ударом в этом направлении мы смогли бы вернуть себе Бремен и отбросить русских за Эльбу.

– К сожалению, в этом районе у нас слишком мало сил для нанесения полномасштабного удара по врагу. Для его организации необходимо минимум три-четыре дня.

– Нет сил у нас, так бросьте в бой немцев. Пусть Шернер со своей армией наконец-то принесет нам хоть какую-то помощь! Зря, что ли, мы кормили и поили этих неудачников.

– Но подразделения немцев не смогут прорвать оборону русских. Они слишком слабы для этого! – запротестовал было Александер, но Черчилль моментально подавил его бунт.

– Не смогут, ну и что? Пусть они отвлекут на себя внимание противника и затруднят ему оказание помощи своим войскам по ту сторону Везера. Ведь любая проблема для Рокоссовского крайне выгодна для наших солдат, не так ли? – ехидно спросил Черчилль, и фельдмаршал поспешил с ним согласиться. К чему жалеть немецкое пушечное мясо, тем более что американцы обещали в ближайшие дни с его пополнением.

Англичане были уверены, что смогли полностью разгадать хитрый ход Рокоссовского, но русский маршал продолжал преподносить им сюрприз за сюрпризом. Утром следующего дня из-за тумана была нелетная погода, и потому все сведения о противнике поступали из частей по телефону или радио.

Переправа через Хазе в районе Кройца не имела прикрытия, и взятие ее русскими танкистами было делом решенным. Все утро и весь день англичане ждали сообщений о приближении противника к Оснабрюке, но он все не объявлялся. С каждым пройденным часом тревога британцев стремительно возрастала, но четкого и ясного ответа на вопрос «где русские?» так и не было. От посланных на разведку разведчиков поступали противоречивые сообщения, и тогда англичане прибегли к последнему средству. Они стали обзванивать по телефону прилегающие к Оснабрюке города и поселки и спрашивать местных

немцев, не появлялись ли у них русские.

Ситуация была чрезвычайно комичной. Вчерашние победители спрашивали у побежденных о своем новом противнике, но благодаря широкой телефонизации страны и панического страха немцев перед русскими, англичанам составить более или менее правдивую картину действий противника.

К огромному удивлению англичан, переправившись через Хазе у Кройца и заняв Эмстек, главные силы русских не повернули на дорогу, ведущую к Оснабрюке. Ограничившись занятием стоявшего на полпути к Оснабрюке городка Вейцгере, они двинулись по направлению к городу Линген, расположенному вблизи с голландской границей.

Услышав эти новости, штабисты Александера стали проверять и перепроверять сведения, полученные столь необычным путем, но все это было правдой. Удачно прикрыв свои фланги болотистой местностью, гвардейцы генерал-лейтенанта Панфилова неудержимо рвались на запад, преодолевая сопротивление оказавшегося на их пути соединения англичан.

Было очень трудно с подвозом боеприпасов и горючего. Тылы 3-го гвардейского танкового корпуса безнадежно отставали, не успевая за ушедшими в прорыв танкистами. Очень часто танкисты были вынуждены сливать бензин с поврежденных или вышедших из строя машин для того, чтобы продолжить свой «натиск на Запад». Экипажи оставленных машин были практически брошены на произвол судьбы, но обстановка требовала принесения таких жертв, для выполнения директивы Ставки Верховного Главнокомандования. Неудержимо наступая вперед, к утру 16 июля советские танкисты захватили стоявший на берегу реки Эмс городок Линген и перерезали важный речной канал Дортмунд – Эмден.

Когда к вечеру 15 июля картина полностью прояснилась, штаб фельдмаршала Александера был подобен растревоженному пчелиному улью. Непонятный отказ Рокоссовского от штурма Ганновера и Оснабрюке поставил английских генералов в тупик. Никто не мог дать четкого ответа, что стоит за действиями противника.

Действуя по принципу «на безрыбье и рак рыба», штабисты предположили, что главной целью русского наступления является не Оснабрюке, а расположенный

в сорока километрах от него Мюнстер. Это был важный железнодорожный узел, через который дороги вели к Ганноверу, Бремену и Оснабрюке. После недолгого раздумья фельдмаршал поддержал эту идею, но против нее категорически высказался присутствующий на совещании Черчилль.

– Наступление на Мюнстер – откровенная авантюра. Это понятно даже мне, наполовину военному человеку, – Черчилль с презрением посмотрел на стоявших у стола генералов. – Не стоит недооценивать противника, господа. Как все живые люди, Сталин может допустить ошибку, но пойти на авантюру – никогда. Смею вас в этом заверить, так как хорошо знаю этого человека. Сталин – прагматик и реалист, и слово авантюризм не из его политического лексикона.

– Если вы так хорошо знаете Сталина, то тогда, может быть, подскажете нам, что означают все эти действия русских? – ехидно спросил премьера генерал Бредлов, учтиво напоминая Черчиллю о его неудачных прогнозах недельной давности. Своими словами генерал хотел смутить премьера, но его порыв канул в небытие.

Черчилль не удостоил неудачника инсургента даже взгляда, только презрительно пыхнув в его сторону.

– У меня нет хрустального шара, я не могу читать мысли на расстоянии и мне не известны замыслы противника. Я говорю об этом честно и откровенно. Я не знаю, что задумал Сталин, но чувствую серьезную опасность, грозящую нам. Если мы не можем разгадать замысел врага, то его следует разрушить всеми доступными средствами, и чем быстрее, тем лучше.

Не торопясь Черчилль вылез из кресла и подошел к висящей на стене карте. Не обращая внимания на стоявшего у карты генерала Вэйлинга, он вперил напряженный взгляд во все те точечки и кружочки, что покрывали карту. Все они для него мало что значили. Все внимание Черчилля привлекла линия разграничения английских войск и армии Рокоссовского. Внезапно глаза его хищно блеснули, прищурились и губы скривились в жесткой гримасе.

– Вы говорили, Гарольд, что самое слабое место русского клина это – Нинбург. Так немедленно нанесите удар по этому месту! – Черчилль властно ткнул зажатой сигарой в карту. – Нанесите удар завтра! Пусть Бакстон ударит по ним всем, что имеет! Бросьте против русских канадцев, что прикрывают побережье.

Пусть наступают Шернер и Венк. Нельзя сидеть сложа руки, надо действовать.

– Извините, господин премьер-министр, но чтобы нанести полноценный удар по войскам Рокоссовского, нам нужно как минимум сутки, а лучше двое, – возразил Черчиллю генерал Пим, но тот не стал его слушать.

– Рокоссовский попросту не даст вам их! Его танки не будут штурмовать Мюнстер! Они достигли своей точки опоры и теперь постараются сбросить наши войска в море в районе Эмдена. Главная цель наступления русских – порты Северного моря.

– У Рокоссовского нет сил для этого. Все, что имел его фронт, он уже выложил без остатка между Эльбой и Везером, и мне совсем непонятно, за счет чего его ролики докатились до голландской границы. Не удивлюсь, если завтра разведка нам доложит, что это сделали бронетранспортеры с пехотой на борту, – не сдавался Пим.

– Из-за нелетной погоды вы целый день понятия не имеете, что конкретно делает Рокоссовский и какими силами он сейчас располагает. Он очень серьезный противник, способный многое сделать за столь небольшой отрезок времени.

– Нам не в чем упрекнуть нашу воздушную разведку, сэр. За все время конфликта наши летчики достойно выполняли свой долг перед Британией, – подал голос Бредлов, за что был награжден Черчиллем презрительным взглядом.

– Мне импонирует ваша уверенность в своей правоте, господа. Я очень этому рад. Ведь если все обстоит так, как вы говорите, то вам не составит большого труда на деле доказать неправоту моих суждений. Сделайте это, и я немедленно избавлю вас от своего общества. Но сделайте это завтра же!

В комнате повисла напряженная тишина, которую разорвал осевший от волнения голос генерала Пима:

– Простите, сэр, но мы настойчиво рекомендуем начать наступление против русских в обозначенные нами сроки.

– Прекрасно. Я вас понял, генерал, – зло улыбнулся Черчилль, – мы пошли по второму кругу, и мне не хочется терять зря время.

– Поймите, сэр! Наступление в указанные вами сроки невозможно! Это все равно, что наносить удар не кулаком, а растопыренными пальцами! – взмолился Пим, но премьер был неумолим.

– Пока вы будете собирать свой кулак, Рокоссовский сбросит канадцев Макмердо в море, а затем примется за вас! И тогда для отражения его наступления нужно будет два, а то и три кулака! Да, начиная это наступление, мы сильно рискуем, но это наш единственный шанс переломить ход сражения за Саксонию, и я не хочу его терять!

Не в силах продолжать дискуссию с несговорчивым премьером генералы обратили полные мольбы взгляды на Александера, за которым согласно законам британской армии было последнее слово.

Кость от кости военного клана, фельдмаршал не мог остаться безучастным к генеральским призывам. Он заколебался, начал нервно подкашливать, но попав под свинцовый взгляд Черчилля, Александер не смог противостоять ему. Судорожно одернув ремень, фельдмаршал сухо произнес:

– Господа, сроки запланированного нами наступления против русских переносятся на завтра, 16 июля.

Покрывшись красными пятнами, Александер стоически выдержал ментальный удар шквала откровенно недовольных взглядов своих генералов штабистов. Стремясь положить конец этому тяжелому испытанию, Черчилль важно добавил:

– Кто не согласен с этим решением, может подать рапорта об отставке. Можете не сомневаться, они будут приняты.

Хитрый политикан ловко бил генералов по их самому незащищенному месту – почетной пенсии, и потому рапортов не последовало. Слабые это люди – генералы.

Любое наступление, подготовленное и организованное не до конца, изначально обречено если не на неудачу, то уж точно на большие потери в живой силе и технике. Начатое англичанами 16 июля наступление по настоянию Черчилля не было исключением из правил и имело свои подводные камни. Зная об их наличии, штаб фельдмаршала Александера предпринял ряд мер для сведения к минимуму нежелательных для себя последствий.

Увлеченные идеей создания фестунгов для отражения наступления Рокоссовского, британские генералы сосредоточили свои силы между Ганновером, Оснабрюке и Мюнстером. Для создания численного перевеса в районе Мазен британцы решили прибегнуть к помощи своих новых союзников – немцев.

Так как основная часть армии Шернера находилась под Гамбургом и никак не успевала к началу наступления, к Мазен были направлены эсэсовские соединения, состоявшие в основном из литовцев, латышей и эстонцев. Сдавшиеся с оружием в руках в плен американцам и англичанам, по иезуитской логике Черчилля, они находились в лагерях не как военнопленные, а как перемещенные лица.

С начала конфликта англичане забыли о них, полагая, что смогут обойтись силами Венка и Шернера, но затем ситуация изменилась. По мере приближения боевых действий к Нижней Саксонии, где и располагались лагеря с прибалтийскими коллаборационистами, британцы их срочно вооружили. А когда пришла пора, их отправили под Мазен, сражаться за нового фюрера, идеалы западной демократии и за собственную жизнь.

Прибегая к услугам этих порядком потрепанных эсэсовских дивизий, англичане видели определенные резоны. Во-первых, прибалтийские легионы уже имели за своими плечами солидный военный опыт, а во-вторых, они испытывали сильную ненависть к русским.

Вынужденные покинуть в 1944 году свои родные пенаты вместе с немцами, прибалты больше всего на свете хотели вернуться домой. Поэтому идя в бой против русских, они надеялись если не осуществить свою мечту, то хотя бы свести с ними старые счеты.

Согласно английской национальной традиции – воевать чужими руками, прибалты были отправлены в первый эшелон наступления английских войск в качестве пушечного мяса. Рано утром 16 июля с замиранием сердца смотрели они из своих укрытий за действиями британской авиации. Тогда около пятидесяти бомбардировщиков под прикрытием истребителей нанесли удар по русским позициям в районе Мазен.

К огромной радости и удивлению английских пилотов, на этот раз их воздушной армаде противостояла одна зенитная артиллерия. Советских истребителей, доставивших столь большие неприятности королевскому флоту, в этот день в небе не оказалось.

Русские зенитчики смело вступили в бой с бомбардировщиками врага, но не смогли помешать им нанести удар по своим позициям. Одна за другой проворно вываливались тяжелые бомбы из огромного чрева самолетов и всей зловещей массой, со свистом и завыванием, устремлялись к земле, неся смерть и разрушение.

Не имея точных координат расположения советских войск, английские пилоты впечатывали свой смертоносный груз, что называется, по площадям. Конечно, это была не фирменная ковровая бомбежка союзников, легко сметавшая все с лица земли, но зрелище было вполне захватывающее. Черные столбы разрывов взлетали высоко до небес, закрывая собой от людских глаз развалины маленького немецкого городка и прилегающие к нему район. Казалось, что ничто живое не может уцелеть под этими могучими ударами, но это только казалось.

Большая часть британских бомб упала в стороне от позиций дивизии полковника Петрова, уничтожая деревянные макеты танков, орудий и гвардейских минометов. Получив приказ изображать активные действия на ганноверском направлении, полковник Петров в первую очередь потребовал от командования предоставления этих макетов.

На войне часто приходится чем-то и кем-то жертвовать. Причем малым жертвуют не только в обороне ради спасения, но и в наступлении. Прорвав оборону англичан под Бременом и устремившись к голландской границе, войска маршала Рокоссовского оказались в очень сложном положении. Советский

наступательный клин вытянулся слишком далеко на запад, и чем дальше продвигались соединения фронта, тем сильнее становилась угроза их флангового окружения.

Нечто подобное уже было в феврале сорок пятого, когда войска 1-го Белорусского фронта совершили стремительный бросок от Вислы до Одера. Тогда, не дойдя до Берлина всего 60 километров, маршал Жуков был вынужден остановиться и вступить в сражение с померанской группировкой врага, нависшей над его правым флангом. Единственным отличием тех событий от нынешней ситуации было то, что левый фланг Жукова прикрывали войска маршала Конева, тогда как левый фланг войск маршала Рокоссовского прикрытия не имел.

Внимательно следившая за развитием событий Ставка энергично помогала «советскому Багратиону». В его распоряжение были переданы войска не только 3-го Белорусского и Прибалтийского фронтов, но даже часть сил 1-го Белорусского фронта. Все это непрерывным потоком шло в распоряжение маршала Рокоссовского, но чтобы собрать полученные подкрепления в единый кулак, требовалось время, а его как всегда не было. Единственным выходом из этой ситуации была ликвидация правофланговой группировки врага с сохранением подвижной обороны на левом фланге.

Именно на разгром ольденбургско-эмденских сил врага и пошли полученные фронтом соединения от Ставки. Едва собрав ударный кулак, утром 16 июля советские войска прорвали оборону врага на канале и устремились к морскому побережью. В месте главного удара советских войск неприятель отчаянно сопротивлялся, но против массированного удара гвардейских минометов оказался бессилен. Канадские солдаты первый раз в жизни столкнулись с реактивными установками подобной силы и мощи, и потому не смогли оказать должного сопротивления штурмовым группам русских. Те из защитников передних траншей, кто выжил после удара «Катюш», при виде советских солдат безропотно поднимали руки вверх и сдавались на милость победителей.

Совсем иная картина наблюдалась на левом фланге фронта, чья оборона была поручена армии генерала Гришина. Растянув все свои дивизии от Бремена до Лингена, он направил на самый трудный и ответственный участок обороны дивизию Петрова. При этом она была должна не просто держать оборону, а постоянно создавать у неприятеля видимость подготовки наступления, проводя

разведку боем.

Задача, поставленная командованием перед полковником Петровым, была очень сложная, учитывая, что его дивизия не совсем восстановила свой личный состав после боев за Гамбург и Бремен. Любой генерал союзников упрямо бы доказывал невозможность выполнения поставленной перед ним задачи, однако полковник Петров только молча козырнул и приступил к выполнению полученного приказа.

Три дня подряд воинское счастье улыбалось ему. Грамотно проведя разведку боем, он сумел удержать англичан от наступательных действий, приковав к себе внимание значительной части его сил. Но на четвертый день положение резко изменилось. После массированного налета британской авиации соединения дивизии были атакованы пехотой врага при поддержке артиллерии танков.

Первые две атаки пехоты противника советские воины отразили благодаря минным полям и умело созданной обороне. Атакующие солдаты врага несли сильные потери от пулеметно-ружейного огня, залпов минометов и были вынуждены отступить.

Третья атака началась после тридцатиминутной артподготовки при поддержке танков. Благодаря численному превосходству противник сумел захватить передний рубеж советской обороны, но дальше продвинуться не смог. Вовремя введенные в бой танковые подразделения дивизии отбили наступление врага. Был нанесен серьезный урон его живой силе и технике, но англичане продолжали атаковать.

Вновь прилетели бомбардировщики и с остервенением принялись утюжить позиции советских войск, местоположение которых им теперь было хорошо известно. Подбитые английские танки были прекрасным ориентиром, и в небе, над дивизией Петрова, вновь не было воздушного прикрытия.

Пользуясь этим подарком судьбы, королевские асы отлично справились с заданием, несмотря на огонь уцелевших русских зениток. Напрасно комдив непрерывно требовал от командования помощи. Телефонная трубка привычно твердила Петрову приказ «держаться, держаться и держаться». Вся авиация фронта была задействована против защитников Ольденбурга и Кюстен-канала.

Оказавшись в столь непростых условиях, Георгий Владимирович предпринял наиболее верный шаг по сохранению жизни своих солдат. Едва только визуальные посты наблюдения доложили комдиву о приближении новой волны самолетов противника, Петров дал приказ на отвод войск с первой линии обороны.

Этот маневр вместе с поддержкой гаубичного полка помог соединениям дивизии отбить и эту атаку противника. Из-за болотистой местности англичане были вынуждены наступать исключительно в лоб, поэтому несли из-за этого неоправданно высокие потери. Раздосадованный неудачами командующий наступлением генерал-майор Робинс потребовал экстренной поддержки авиацией и незамедлительно получил ее. Срочно поднятые в воздух эскадрильи штурмовиков «тандерболтов» обрушились на дивизию Петрова.

Главной их целью был гаубичный полк полковника Полупанова, ставший камнем преткновения для английских войск. Зная приблизительное месторасположение гаубиц, английские самолеты атаковали его, но не сильно преуспели в этом деле. Хорошая маскировка и наличие зенитных батарей не позволили королевским асам нанести существенного материального убытка полку. Куда более серьезным оказалось прямое попадание бомбы в штаб артиллеристов, в результате которого погиб начальник полка Полупанов.

Посчитав, что гаубичный полк уничтожен, Робинс бросил свои войска в пятую атаку. Ценой больших потерь англичане сумели захватить развалины Мазена, но дальше продвинуться не смогли. Третья линия обороны, куда сумели отойти советские воины, оказалась им не по зубам.

И вновь Робинсу пришлось докладывать высокому начальству о постигшей его неудаче и просить поддержки авиацией. И вновь, в третий раз за день, британские бомбардировщики поднялись в воздух, чтобы раз и навсегда выбить злосчастную «русскую пробку» по дороге на Бремен.

Доверху набитые бомбами, они взяли привычный для себя курс, внеся небольшие поправки в свои летные карты. Дважды они удачно равняли с землей то, что от них требовало командование, но на этот раз счастье отвернулось от них. Эскадрильи были еще только на подходе к цели, как на них обрушились советские истребители.

Весь день ведя непрерывные бои в районе побережья, уставшие русские летчики пришли на помощь истерзанным защитникам Мазен. Над разрушенным до основания городком завязалась яростная схватка. Не обращая внимания на самолеты прикрытия, советские истребители смело атаковали англосаксов. В этом сражении не было большого числа сбитых бомбардировщиков, но советские пилоты одержали важную победу. Они заставили самолеты противника отступить и не позволили сбросить бомбы на цель.

Прильнувшему к окулярам стереотрубы генералу Робинсу было трудно определить результативность бомбежки. Ему были хорошо видны черные султаны многочисленных разрывов, и, посчитав дело сделанным, он отдал приказ о начале очередной атаки.

Неизвестно как бы сложилось наступление, если бы Робинс на свой страх и риск рискнул изменить направление удара своей дивизии или бы сумел убедить в этом вышестоящее начальство. Возможно, что, найдя слабое место в обороне противника, на стыке его полков англичане сумели бы прорвать оборону полковника Петрова, но этого не произошло. Получив указание сверху наступать именно в этом направлении, Робинс твердо выполнял полученный приказ командования до последней капли крови прибалтов, канадцев и ирландцев.

Очень может быть, что война на истощение все же принесла бы свои плоды. Соединения полковника Петрова также понесли серьезные потери при отбитии пяти атак противника, и шестая могла стать последней, но этого не произошло, благодаря активной позиции комдива.

Не ожидая получения долгожданной поддержки с воздуха, он своей властью остановил идущую к Ольденбургу танковую роту. Невзирая на яростные протесты командира роты капитана Хрюкина, Петров заставил повернуть танки на Мазен и контратаковать противника. Появление танков на поле боя внесло решающий перелом в сражении. Не выдержав стремительного удара «тридцатьчетверок», солдаты противника отступили.

Так провалилось британское наступление под Бременом, но и не только там. Англичане потерпели неудачу под Гамбургом, Вейцгере и Ольденбургом.

Однако не только Нижняя Саксония была местом сражения в этот день. Не менее ожесточенные бои шли и в Тюрингии, где в очередной раз испытал свое воинское счастье фельдмаршал Венк.

Потерпев неудачу под Лейпцигом, Венк решил перенести боевые действия несколько южнее в район Кольбица. Своим новым наступлением в Остфален он намеревался расколоть левый фланг войск маршала Конева и выйти в тыл его главным силам.

Обозленный за свой конфуз в боях за Вурцев, «болевший», но не отстраненный от командования генерал Паттон оказал максимальную помощь Венку в его наступлении. По его приказу были распахнуты двери всех лагерей, где содержались немецкие военнопленные.

Если раньше сдавшихся в плен солдат вермахта сражаться за Германию уговаривали агитаторы Деница, то теперь идти в бой за Фатерланд их отправляли под угрозой расстрела. И делали это специально созданные команды, при полном попустительстве лагерной администрации.

Такими экстренными мерами армия Венка была пополнена тридцатью тысячами человек. Вместе с этим, по приказу Паттона, в качестве боевой поддержки были прикомандированы три танковых батальона. Их командиры полностью разделяли желание генерала «надрать задницы» зарвавшимся Советам.

Начав свое новое наступление утром 16 июля, Венк удивительно легко прорвал оборонительные заслоны русских и за один день продвинулся на восток до десяти километров. На фоне прежних неудач это наступление было серьезным успехом, о чем было незамедлительно доложено Деницу, Александеру и Паттону. Все наперебой поздравляли Венка с одержанной победой, а в ставках обсуждался вопрос, куда дальше вести фельдмаршалу свои войска, на Дрезден или на Ризе, с захватом переправ через Эльбу и продолжением движения на Котбус.

Лавры легкой победы основательно вскружили головы как немцам, так и их новым союзникам. Они с упоением строили наступательные планы, но уже на следующий день оказалось, что дела обстоят несколько иначе, чем представлялись ранее.

Не успела армия Венка продолжить свое продвижение к Эльбе, как получила сокрушительный удар в свой правый фланг. Оказалось, что увлеченные движение на восток, немцы наскочили на мощный бронетанковый кулак 4-й гвардейской танковой армии, переброшенной под Дрезден по приказу Ставки. При этом против сил Венка сражалась только часть армии генерала Лелюшенко. Остальные силы начали самостоятельное наступление из района Хемниц по направлению на Йену и Эрфурт.

Получив извещение о появлении в своем тылу русских танков, Венк без колебания бросил на них свои батальоны «шерманов». По своим боевым качествам американские танки худо-бедно, но могли противостоять русским «Исам», и потому фельдмаршал питал определенные надежды на исход этого маленького танкового сражения. Впрочем, его ожиданиям не было суждено сбыться.

Танки дяди Сэма действительно по своим качествам были достойными противниками изделиям из Танкограда, но вот орлы Паттона здорово уступали орлам Лелюшенко в мастерстве и сноровке. В результате огневого контакта потери сторон распределились следующим образом. Американцы потеряли двенадцать «шерманов», семь из которых были уничтожены прямым попаданием снаряда. Потери советских танкистов составляли два танка и обе машины подлежали восстановлению.

Примерно такое же соотношение потерь в пользу советских танкистов было и после второго столкновения вблизи местечка Беркенау. Американские танки горели как свечки, в то время как их противник имел куда более скромные потери.

Внезапный удар танкистов Лелюшенко поставил жирный крест на наступательных планах немцев. О продвижении к Эльбе было моментально забыто, и Венк стал лихорадочно перестраивать свои войска, стремясь с наименьшими потерями отойти к американцам, за разграничительную линию.

Ранее этот маневр позволял немцам уйти от справедливого наказания, но на этот раз фокус не получился. Получив указание Ставки, советские танкисты смело пересекли ее и продолжили свое наступление в Тюрингии, которая, согласно Ялтинским договоренностям, входила в советскую зону.

– Надо напомнить нашим американским друзьям о наших правах на эту провинцию и слегка подтолкнуть их к выходу, – сказал Сталин генералу Антонову во время обсуждения военных планов 1-го Украинского фронта. – Даже если они не сразу начнут выполнять свои обещания, присутствие наших танков в Тюрингии заставит их поторопиться. Как говорил один из основателей Америки: «Присутствие пистолета у виска делает собеседника более сговорчивым».

Исполняя приказ Ставки, танковая армия генерала Лелюшенко переправилась через реку Мульде и к утру 18 июля вышли к городу Цейцу. Именно там и произошел первый в истории боевой конфликт, между русскими солдатами и американцами.

Поначалу советские танкисты не собирались вступать в бой. Преследуя отступающих немцев, танкисты майора Петровского намеревались перехватить бегущую колонну неприятеля. Перерезав дорогу, танкисты не хотели дать возможности немцам укрыться в городе от справедливого возмездия.

Имея строгий приказ командования по возможности не провоцировать американцев к открытию огня, Петровский специально не стал приближаться к окраинам Цейца, намереваясь принудить преследуемого врага к сдаче в чистом поле. На всех танках батальона были хорошо различимые красные звезды, а над башнями командирских танков были установлены красные флаги.

Вначале по советским танкам со стороны Цейца не было произведено ни одного выстрела. Их внезапное появление вызвало сильное замешательство у американцев, но затем ситуация быстро изменилась. Не желавшие сдаваться немцы оказали танкистам майора Петровского яростное сопротивление. Завязался бой, исход которого был полностью ясен, так как самым тяжелым вооружением у немцев были минометы. Советские танкисты прочно держали под полным контролем дорогу в город. Им нужно было удержать немцев до подхода мотопехоты, которая должна была появиться с минуты на минуту. Положение солдат Венка стремительно ухудшалось, и в этот момент, со стороны города, по советским танкам ударили пушки.

Били американские канониры не очень метко, но этого было вполне достаточно, чтобы поникшие было духом немцы воспрянули. Почувствовав поддержку, они попытались прорваться в город. Не считаясь с потерями, немецкие солдаты яростно наседали на танкистов майора Петровского.

Неизвестно, смогли бы удержаться оказавшиеся в столь трудном положении танкисты, но в самый критический момент им на выручку подоспела пехота. Теперь между двух огней оказались сами немцы, которые не выдержали флангового удара. Интенсивность сражения сразу упала. Разом лишившись сил, немецкие солдаты бросали оружие и покорно поднимали руки вверх. Те же, кто не внял голосу разума и рассудка, продолжали яростное сопротивление, пока их руки сами не опустились по вполне понятным причинам.

Отступающие немцы уже сдались в плен, и стрельба на подступах к Цейцу уже прекратилась, но американская артиллерия продолжала упорно гвоздить по советским танкам. Пытаясь выполнить наказ высокого командования, русские танкисты долго не отвечали на огонь, но потом их терпение лопнуло. Сначала один, затем другой танк открыли огонь в сторону Цейца, и завязалась перестрелка.

Когда полковник Баранов, командующий авангардом Лелюшенко, прибыл к городу, бой был в полном разгаре. К большому удивлению полковника, «зажравшиеся и обленившиеся» американцы дрались с советскими танкистами если не с опытом и умением, то уж точно с храбростью и упорством.

Грамотно построив оборону города, артиллерийским огнем американцы отсекли идущую в атаку пехоту от танков, и на этом штурм Цейца закончился. Раздосадованные и разгоряченные боем пехотинцы хотели повторить штурм сразу после прибытия артиллерии, но Баранов не стал этого делать.

– Хорошо дерутся, черти. А говорили, что американцы никудышные солдаты и от одного вида танка бегут без оглядки. Наврали, однако, – произнес Баранов, с каменным лицом разглядывая подбитые танки на поле боя.

– Пока мы с немцами возились, они, гады, пушки успели развернуть и создали огневой заслон, – стал оправдываться перед полковником Петровский. – Будь у меня в резерве хотя бы еще одна рота, поквитались бы с господами союзничками по полной программе. Задали бы им жару.

– Это еще неизвестно, кто кому задал бы. Судя по всему, оборона у американцев хорошо организованна, и взломать ее, даже усиленным батальоном, задача не из простых, – не согласился с ним Баранов, оторвавшись от бинокля. – Одно хорошо, что, несмотря ни на что, принудили немцев к сдаче, а когда получили

отпор, не стали повторно лезть на рожон.

– Может быть, и не взломал бы, но сейчас это не столь важно. С вашим приходом мы американцев на раз-два разнесем, – с жаром заверил собеседника майор, в чьей душе бурлила жажда скорого реванша, но его слова не нашли поддержки ни у Баранова, ни у его зама, подполковника Поленичко.

– Боюсь, со штурмом города придется повременить, Петр Алексеевич, – с сожалением сказал Баранов. – Пока ты здесь воевал, поступил новый приказ. Теперь наша главная цель не Лейпциг, а Йена, Веймар и Эрфурт. И выйти к Йене мы должны к исходу дня. Так что времени у нас в обрез.

– А что же делать с этими, товарищ полковник? Просто так простить им все эти художества?! – Петровский с горечью ткнул пальцем в подбитые машины.

– Не горячитесь, майор, – осадил его Поленичко, – нам так же, как и тебе, дорог каждый подбитый танк и погибший экипаж, но приказ есть приказ. Сейчас нам надо как можно быстрее двигаться вперед, пока остальные американцы не очухались и не устроили нам жаркий прием наподобие этого. А штурм Цейца отнимет у нас время и людей.

Заместитель комполка говорил правильно и логично, но в стремлении Петровского поквитаться с противником была своя правда.

– Вы совершенно правы, Спиридон Николаевич. Штурмовать Цейц хлопотно и опасно, однако и оставлять просто так в своем тылу эту занозу никак нельзя.

– Что же вы предлагаете, Петр Алексеевич? Провести новую разведку боем в надежде определить слабое место обороны врага? Хороший ход, но не забывайте, что выход к Йене нам никто не отменял и лишних сил для штурма Цейца у нас нет!

– В штурме города нет никакой необходимости, – успокоил Поленичко командир. – Будет вполне достаточно обойти его с флангов и, взяв в кольцо блокировать город. Думаю, что такая задача вполне под силу танкам майора Петровского.

– А если американцы предпримут контратаку? Ведь нам неизвестно, какие силы сидят в городе.

– Почему неизвестно? Согласно данным разведки, в городе находятся около четырех батальонов пехоты и приданной ей артиллерии под командованием подполковника Крайтона. Также известно, что военных складов в Цейце нет, а судя по всему, американцы здорово потратились боеприпасами, отражая атаку Петра Алексеевича. Так что не думаю, что они будут контратаковать. Скорее всего, сядут в оборону и будут ждать дальнейшего развития событий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/yaroslavcev_aleksandr/voshod-dvoynogo-solnca

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити